

ИСТОРИЯ ЗАПОРОЖСКИХ КАЗАКОВ

Дмитрий Гворныцкий

БЫТ
запорожской
ОБЩИНЫ **Том 1**

«История запорожских казаков» выдающегося украинского историка, этнографа, фольклориста, археолога, писателя, лексикографа, академика Дмитрия Яворницкого — ценнейший памятник отечественной дореволюционной историографии, важный источник по изучению истории украинского казачества.

Первый том содержит развернутую характеристику запорожских вольностей, гидрографии, природных условий и ресурсов края. Подробно описана история и топография восьми сечей, состав и административно-территориальный уклад Запорожья, органы власти и судопроизводство, развитие школы. Отдельные разделы посвящены одежде, быту и занятиям, вооружению казаков, их стратегии и тактике.

Дмитрий Яворницкий

История запорожских казаков.

Быт запорожской общины

Том 1

*Его императорскому высочеству
наследнику цесаревичу и великому
князю Николаю Александровичу,
Атаману всех казачьих войск,
всепреданнейше посвящает автор.*

Предисловие

В основание настоящего труда легло десятилетнее изучение жизни и военных деяний запорожских казаков, прославивших себя бессмертными подвигами в борьбе за веру, народность и отечество. Вся «История запорожских казаков», по плану автора, выйдет в трех томах, причем первый том посвящен исключительно изображению внутреннего быта запорожской общины, второй и третий тома посвящены фактическому изложению событий казацких деяний начиная с конца XV и кончая второю половиною XVIII века. Главным пособием при изображении

судеб Запорожья, помимо печатных южнорусских летописей, польских хроник и различных мемуаров, для автора труда служили писанные документы, разбросанные во многих местах России по государственным архивам и частным хранилищам (в Одессе, Киеве, Екатеринославе, Харькове, Москве, Петербурге, Архангельске, Соловецком монастыре) и так или иначе касающиеся жизни и военных подвигов запорожских казаков. Но кроме архивных материалов в основание «Истории» легло и многолетнее изучение автором топографии Запорожского края: изучению топографии края автор всегда придавал огромное и первейшее значение, и потому, прежде чем взяться за изображение исторических судеб войска запорожских низовых казаков, он много раз объезжал все места бывших Сечей, много раз плавал по Днепру, спускался через пороги, осматривал острова, балки, леса, шляхи, кладбища, церковные древности, записывал казацкие песни, народные предания, вскрывал погребальные курганы и изучал все более или менее значительные частные и общественные собрания запорожских древностей. Во всем этом он руководствовался исключительно любовью к запорожским казакам, зародившейся у него еще с очень раннего детского возраста, когда отец его, грамотей-самоучка, читал ему бессмертное произведение Гоголя «Тарас

Бульба» и заставлял шестилетнего мальчика рыдать горькими слезами над страшной участью героя повести. Впечатление детства так было сильно, что привело автора, уже в зрелом возрасте, сперва к пешему хождению, а потом и к поездкам по запорожским урочищам. Эти поездки из года в год повторялись и под конец сделались для него столь же необходимы, как необходимы человеку пища, питье и воздух. Этим обстоятельством объясняется тот страстный тон и те невольные ошибки, которыми проникнут и исполнен первый печатный труд автора «Запорожье», так недружелюбно встреченный рецензентом господином Житецким, но с полной объективностью оцененный известным учено-литературным деятелем господином Пыпиным. В настоящем труде автор старался исправить прежние ошибки и заблуждения и потому в состав его ввел из прежних своих работ только пять глав, да и то в совершенно исправленном и дополненном виде. По примеру прежних изданий автор нашел нужным иллюстрировать и настоящее издание, чтобы сделать его полезным не только для людей, интересующихся одной историей, но и для людей, которые пожелали бы художественно изобразить тот или другой момент из исторической жизни запорожских казаков. В этом случае он пользовался указаниями и альбомами известного художника

Ильи Ефимовича Репина. Впрочем, зная по опыту, каких громадных денег стоят у нас, в России, иллюстрированные издания, автор «Истории» не смел бы и мечтать о том, если бы к нему не пришел на помощь просвещенный любитель запорожской старины — землевладелец Херсонского уезда Николай Николаевич Комстадиус. В заключение автор «Истории» не может не привести для читателя отрывка из введения, сделанного в прошлом веке малороссийским летописцем Самуилом Величко в его «Летописи событий Юго-Западной России». «Ласковый читатель, если тебе в настоящем моем труде что-либо покажется зазорным и несправедливым, то, быть может, оно так и есть. Ты же, когда бы тебе удалось достать более совершенных и других каких-либо казацких летописцев, отложивши свою лень и благонравно покрывши в этом деле мое невежество, сообразно с теми летописцами, не уничтожая, однако, и моего ничтожного труда, волен исправить все данным тебе от Бога разумом! Да и трудно человеку «домацатись» во всем правды и знания, и если более ранние описатели казацких деяний в своих трудах ошибаются, то с ними ошибаюсь и я, согласно слову Писания, что всяк человек ложь есть».

Глава 1. Границы вольностей запорожских низовых казаков

Границы вольностей запорожских казаков в разное время и от различных обстоятельств постоянно менялись. Отсюда определить с точностью пределы земли низовых казаков довольно затруднительно, а иногда, при отсутствии каких бы то ни было на этот счет указаний, и совершенно невозможно. Первыми указателями в этом вопросе являются малороссийские летописцы; но наиболее достоверные и точные из них ограничиваются в данном случае слишком общими указаниями: «Поляки, приняв в свою землю Киев и малороссийскую страну в 1340 году, спустя некоторое время всех живущих в ней людей обратили в рабство; но те из этих людей, которые издревле считали себя воинами, которые научились владеть мечом и не признавали над собой рабского ига — те, не вынеся гнета и порабощения, стали самовольно селиться около реки Днепра, ниже порогов, в пустых местах и диких полях, питаясь рыбными и звериными ловлями и морским разбоем на басурман. Польский король Сигизмунд I (1507–1548) прежде всех даровал казакам в вечное владение землю около порогов, вверх и вниз по обеим сторонам Днепра, чтобы они не позволяли татарам и туркам нападать на русско-польские

земли. За Сигизмундом I король Стефан Баторий (1576–1586) кроме давнего старинного складового города Чигорина дал в пристанище низовым казакам город Терехтемиров с монастырем, для постоянного жительства в нем в зимнее время»¹. К сожалению, грамота короля Стефана Батория на пожалование запорожцам означенных земель и городов в подлиннике не дошла до нас; копия же с грамоты, сильно подверженна я сомнению в целом ее виде, ничего не прибавляет к тому, что сказано было по этому поводу малороссийским летописцем: «Передаёт его королевское величество (1576 года, августа 20 числа) казакам низовым запорожским навечно город Терехтемиров с монастырем и перевозом, опричь складового старинного их запорожского города Чигирина, и от того города Терехтемирова на низ по-над Днепром-рекою до самого Чигирина и запорожских степей, к землям Чигиринским подошедших, со всеми на тех землях насаженными местечками, селами, хуторами, рыбными по тому берегу в Днепре ловлями и иными угодьями; а вширь от Днепра на степь доколе тех местечек, сел и хуторов — земли

¹ Григорий Грабянко. Летопись. Киев, 1854.

издавна находились»².

С той же неопределенностью границ вольностей запорожских казаков встречаемся мы и шестьдесят восемь лет спустя после смерти польского короля Стефана Батория, когда запорожцы из-под власти Польши перешли под протекцию России, заодно с малороссийскими казаками и их гетманом Богданом Хмельницким. В царской грамоте на этот счет говорится лишь, что запорожские казаки будут пользоваться прежними правами и привилегиями, каковые даны были им от королей Польских и великих князей Литовских³. Впрочем, год спустя после этого, в 1655 году, 15 января, запорожские казаки получили будто бы универсал от гетмана Богдана Хмельницкого (дошедший до нас также в копии и также сильно подверженный в общем его виде сомнению), впервые определявший более или менее точно границы вольностей запорожских казаков: «А теперь также владеть им старинным городком запорожским, Самарь называемым, с перевозом и с землями вверх по Днепру до речки Орель, а вниз — до самых степей ногайских и крымских; а через

² Миллер. О малороссийском народе. М., 1846.

³ Самуил Величко. Летопись. Киев, 1848, II.

Днепр и лиманы Днепровые и Буговые, как испокон веков бывало — по Очаковские улусы; и вверх по реке Бугу до реки Синюхи; от Самарских же земель через степь — до самой реки Дона, где еще до гетмана казацкого Предслава Лянцкоронского казаки запорожские свои зимовники имели; и то все чтобы ненарушимо вовеки при казаках запорожских осталось»⁴. Слова приведенной копии гетманского универсала оправдываются лишь тождественным показанием границы вольностей запорожских казаков на западной границе, по Бучачскому миру, заключенному в 1672 году, 18 октября, в Галиции: по этому миру польский король Михаил Вишневецкий уступил турецкому султану Магомету IV всю Подолию и Украину, а пограничной чертой владений запорожских казаков определена была речка Синюха, впадающая в Буг с левой стороны⁵.

Той же неопределенностью отличаются показания границ вольностей запорожских казаков и в 1681 году, когда шел вопрос о Бахчисарайском перемирии между Россией и Турцией. В то время южной границей между вольностями запорожских

⁴ Миллер. О малороссийском народе. М., 1846.

⁵ Соловьев. История России. М., 1880, XII.

казаков и кочевьями татар определялись реки Днепр и Буг. Как указывают «Записки Одесского общества истории и древностей»: «В перемирные годы от реки Буга и до помянутого рубежа реки Днепра турки не должны строить новые города и восстанавливать старые казацкие разоренные города и местечки, надлежит оставить их пустыми и не принимать перебежчиков. Крымским, очаковским и белгородским татарам разрешается кочевать со своими стадами по обе стороны Днепра (и по сей и по той стороне Днепра быть берегу и землям султана величества Турецкого), в степях около речек; запорожским и городovým казакам, промышленным людям разрешено плавать для рыбной ловли, звериной охоты и соляного промысла Днепром и всеми степными речками обеих сторон Днепра до самого устья Черного моря». В 1686 году Польша, заключая тринадцатилетнее перемирие с Россией и уступая ей Киев, Смоленск и другие города, в то же время отказывалась и от всего Запорожья. Как записано в актах, изданных археографической экспедицией в 1836 году: «Вниз рекою Днепром от Киева до Кодака, и тот город Кодак, и Запорожский Кош, город Сечь, и даже до Черного леса и до Черного же моря, со всеми землями и с реками, и с речками

и всякими принадлежащими землями, чем владели исстари запорожцы»⁶. В конце этого же столетия, по Карловицкому миру, заключенному в 1699 году, 26 января, между Австрией, Венецией, Турцией и Польшей, последняя получила обратно Украину, Каменец и Подолию, а западной границей владений запорожских казаков по-прежнему считалась речка Синюха, впадающая в Буг⁷.

Мало данных представляет для решения вопроса о пределах вольностей запорожских казаков и трактат 1700 года о тридцатилетнем перемирии между Россией и Турцией: здесь находятся указания лишь на южную границу запорожских владений. «Поднепровские городки все разорить, местам, на которых они стояли, быть в султанской стороне пустым, да и всем землям по Днепру от Сечи Запорожской до Очакова быть пустыми же; только на половине между Очаковым и Кизыкерменем быть поселению для перевоза через Днепр всяких проезжих и торговых людей, быть около того населения окружению с ровиком и крепостцою, селу приличному, а вида городской

⁶ Акты, изданные археографической экспедицией, 1836, IV, № 290, 430.

⁷ Соловьев. Указ. соч.

крепости и никакой обороны то окружение чтобы не имело. Азову городу со всеми старыми и новыми городками и меж теми городками лежащими землями и водами быть всем в Державе царского величества, а от Перекопа и от края моря Перекопского до первого нового азовского городка — Миусского — землям быть праздными»⁸. По этому трактату, барьером между вольностями запорожских казаков и кочевьями ногайских татар признаны были земли от реки Большой Берды до города при устье реки Миуса, где она впадает в Азовское море, и от Миуса к Дону; ниже этого барьера запорожцам воспрещалось переходить на морские косы, лиманы и озера для рыбной ловли.

Только в «межевой записи» 1705 года, 22 октября, между Россией и Турцией, подписанной у реки Буга русским думным дьяком Емельяном Игнатьевичем Украинцевым и турецким пашой эффенди Коч Мегметом, мы впервые встречаемся с точным и более или менее подробным определением границ запорожских вольностей, но и то с одной лишь юго-западной стороны, от рубежа Польши. «Початок границ от польских концов, где польская граница кончается рекою Бугом, до наших комиссарских обозов, и от наших комиссарских

⁸ Соловьев. Указ. соч. М., 1879, XIV.

обозов ходу рекою Бугом за два часа до Ташлыка, который называется по-турецки Великий Конар, и от Великого Конара полем поперек реки Мертвовод, а перешедши Мертвовод — полем через Еланец, который по-турецки называется Ингулою; потом, перешедши Великий Ингул — полем до речки Висуни, а Висунь поперек перешедши — полем до Малого Ингульца; а перешедши Малый Ингулец — через брод Бекеневский, который от кызыкерменских пустых мест в десяти часах, а от того броду — полем прямо до устья речки Каменки, где она впадает в Днепр; а от кызыкерменских пустых мест до того места — четыре мили, и тем кончится граница»⁹. Впрочем, в этой же самой записи сделана оговорка, что «подданные его царского величества вольно могут ходить на Лиман и на Черное море для всяких своих пожитков, токмо смирно и без оружия». Так определялась юго-западная граница запорожских вольностей. Что касается юго-восточной границы, то она, как это видно из генеральной карты де Боксета 1751 года, шла от устья речки Каменки вверх по Днепру, где в него впадает река Конка с Плетеницким лиманом, далее — вверх по Конке против ее течения, потом — по-над верховьями

⁹ Полное собрание законов. Т. IV, статья 2077.

речек Бердинки, Средней Берды, Крайней Берды и, наконец, по реке Большой Берде до самого устья, изливающегося в Азовское море.

С 1709 по 1733 год запорожские казаки жили на землях татарских: сперва — на границе русских владений по речке Каменке, впадающей в Днепр с правой стороны, в 30 верстах выше города Кизыкерменя, а потом — гораздо ниже русско-татарской границы, в урочище Алешках, за речками Конкой и Чайкой, с левой стороны Днепра. То было время, когда запорожские казаки, с кошевым атаманом Константином Гордеевичем Гордиенко во главе, желая видеть, как цитирует господин Маркевич в своей «Истории Малороссии», «свою отчизну, милую матку, и войско запорожское, городовое и низовое, не только в ненарушимых, но и в расширенных и размноженных вольностях изобильную, отдались в оборону наияснейшего короля его милости шведского, Карла XII»¹⁰; тогда они заплатились за то лишением своих вольностей в пределах России и перешли в подданство турецкого султана и крымского хана. Но это продолжалось лишь в течение двух лет. По несчастному для Петра I, в 1711 году заключенному, Прутскому миру он

¹⁰ Маркевич. История Малороссии. М., 1842, IV.

должен был уступить Турции большой угол земли, как записано в Летописи Самовидца, «начиная снизу от Азова и идя вверх к северу до половины течения реки Орели, отсюда поворотив под тупым углом до устья той же реки Орели, изливающейся в Днепр; от устья Орели, перейдя Днепр, — вверх по-над правым берегом Днепра до местечка Крылова; от местечка Крылова, поворотив от севера к югу, по верховьям рек Ирклеи, Ингульца, Ингула и до верховья речки Выси; от речки Выси по речке Синюхе и до устья ее при реке Буге». Отдав туркам этот огромный угол земли, Петр I в то же время должен был собственными войсками разорить русские крепости — «Новобогородицкую при устье Самары, Кодацкую на правом берегу Днепра, против первого порога, и Каменный Затон, ниже Никитина, и обязался не беспокоить запорожских казаков, отнять от них свою руку и не вступаться в них»¹¹. Тогда запорожцы де-юре сделались вновь обладателями прежних своих вольностей: они раскинули свои хутора и зимовники по очаковской стороне, от Переволочной до самого Буга, и по крымской — от реки Самары до Азовского моря; на этом

¹¹ Летопись Самовидца. Киев, 1878; Брикнер. История Петра Великого. СПб., 1882, II.

пространстве они могли заниматься охотой, не заводя, однако, оседлостей¹².

Но с 1734 года запорожские казаки снова перешли под власть России. Тогда, после побед русских полководцев Миниха и Ласси над турками и татарами, в соучастии с запорожскими казаками, между Россией и Турцией заключен был в 1739 году, 18 сентября, Белградский мир¹³, а в 1740 году, 4 ноября, учинен был особый «инструмент» при реке Великом Ингуле русским уполномоченным, тайным советником Иваном Ивановичем Неплюевым и турецким комиссаром Мустафою Беем Селихтаром Кятибы с двумя товарищами. По этому «инструменту» владения запорожских казаков определялись с западной стороны прямой линией от устья Синюхи и до впадения Берды в Азовское море. Полное собрание законов повествует нам: «Прибыв в близость реки Буга, комиссары державы Оттоманской, для лучшей способности, по общему согласию, немедленно перешедши оную реку, стали лагерем при берегу оной, и от обеих сторон, поставив между

¹² Мышецкий. История о казаках; Генеральная карта де Боксета 1751 г.

¹³ Записки графа Миниха. СПб., 1874.

лагерей по одной палатке для конференции; и по нескольких конференциях, спорах и рассуждениях, наконец наилучшим образом между собою согласились и постановили на основании инструментов, данных от определенных комиссаров обеим сторонам в 1705 году, то есть по-турецки — 1118 года: так постановлена граница следующим образом, что начало сих границ от окончания польских¹⁴ идет вниз рекою Бугом, расстоянием через шесть часов от Ташлыка, то есть Великого Конара¹⁵, и будучи там, место Конар само собою знатно, того ради не рассуждено тут знаков чинить; а от Конара — ведена граница полем прямою линией, и в расстоянии от оногo в десяти верстах, перешедши реку Гарбузину, постановлены два знака: с российской стороны — квадратный, а с турецкой — круглый; и оттуда, не будучи соглашены, как продолжить до окончания вышереченное дело, стали лагерем при реке Мертвых Водах и держали многие конференции и споры о разграничении границ, понеже в

¹⁴ От устья реки Кодыми, где и теперь находится местечко Конецполь.

¹⁵ Та же балка Большой Сухой Ташлык, ниже р. Корабельной, свыше 40 верст от конца польской границы.

вышеупомянутом инструменте 1705 года написано, что граница будет разграничена чрез устье реки Еланца, впадающей в Великий Ингул, но экспериенция показала — она впадает в Буг, и тако вменилось вместо Еланца устье реки Громоклеи, впадающей в Великий Ингул, в чем затруднение нашлось. Ибо подданные державы Оттоманской нужду в лесе, который по берегу той реки Громоклеи находится, имеют и прежними временами им пользовались. И потому они перешедши Гарбузинку тою же линиею до реки Мертвых Вод, расстоянием знаков двенадцать верст, а по переходе Мертвых Вод постановлено два знака, а от тех знаков — линией к старой мечети, на реке Солоне стоящей, в расстоянии 17 1/2 верст, и при оной мечети с левой стороны поставлено два знака; а потом перешедши линиею оную реку в расстоянии 7 верст, также перешедши реку Еланец, поставили два знака; и оттуда линиею расстоянием 21 верста до старой мечети, которая при берегу реки Громоклеи, и с левой стороны той мечети поставлено два знака, и на оной два ж знака, а от тех знаков идет граница по берегу оной реки Громоклеи даже до реки Великого Ингула, оставляя лес весь, по берегу той реки Громоклеи стоящий, державе Оттоманской, потому еще в двух местах сделаны знаки, да еще при переходе Великого Ингула два ж знака, и при тех, перешедши ту реку

Ингул, напротив поставлено два ж знака, а от тех, идучи к Бекелевскому броду, в расстоянии 39 верст, перейдена река Висунь и сделано два ж знака; а оттуда идет граница через Бекеневский брод, который, как трактат 1705 года гласит, в расстоянии 10 часов от Кизыкерменя; и от того брода идет граница полем прямо на устье реки Каменки, где она впадает в Днепр в расстоянии четырех миль от Кизыкерменя»¹⁶.

С восточной стороны владения вольностей запорожских казаков оставались в пределах межевой записи 1705 года: начав от реки Конки, впадающей в Днепр, против Каменного Затона и Плетеницкого лимана, далее — вверх по ее течению и отсюда, поворотив с запада на восток, — по степи прямою линией по-над вершинами речек Токмака, Бердники, Средней Берды, Крайней Берды до речки Большой Берды и, наконец, по течению этой последней до самого ее впадения в Азовское море ¹⁷. Однако и для определения границ вольностей запорожских казаков с восточной стороны потребовалась также особая комиссия с русской и турецкой стороны. По новому

¹⁶ ПСЗ. Т. XI, № 8276.

¹⁷ См. Генеральную карту де Боксета и Капниста 1751 г.

«инструменту», учиненному в 1742 году русским уполномоченным князем Василием Аникитичем Репниным и турецким комиссаром пашой Хаджи Ибрагимом Капыджи, границы вольностей запорожских с восточной стороны определялись следующим образом, согласно все тем же «Запискам Одесского общества истории и древностей»: «Начав от вершины реки Конки, с обеих сторон поставили по одному кургану; от тех курганов прямою линией расстоянием четверть часа — по такому же кургану; оттуда тою же линией в том же расстоянии — еще по одному кургану; при западной вершине реки Большой Берды — также по одному кургану. От вершины реки Конки до западной границы Большой Берды расстояние — всего три четверти часа; между помянутыми реками, к полуденной стороне, вся земля отошла к Оттоманской империи; а с полуночной стороны — к Российской империи; а от равнин к реке Большой Берде и до нового города — Миюсского, — находящегося в том месте, где в Азовское море впадает река Миус, — во всем быть без перемены по тракту и конвенции о границах 1700 года; река же Конка, даже до впадения ее в Днепр, утверждается вместо пограничных знаков и оставляется обеими от впадения ее вниз по Днепру; помянутыми реками дозволяется пользоваться подданным обеих империй без нарушения. И по

тому разграничению начало границ — от вершины реки Конки, а конец — у нового города, который стоит при впадении Миюса в Азовское море»¹⁸.

Этим договором определены были новые границы, дававшие России право провести за рекою Самарою новую линию — более удобную, нежели старая, для прикрытия Украины от набегов татар, и более близкую — для того, чтобы предпринять завоевание Крыма, напасть на Очаков и действовать на Черном море¹⁹. Тем же договором, по указу сената 1743 года, 16 ноября, дозволено было малороссиянам строить хутора и пользоваться землею по реке Самаре; этим воспользовались жители Полтавского полка и заняли полосу земли между левым берегом Орели и правым Самары, — которую искони веков запорожские казаки считали своей землей. Для большей крепости полтавцы захватили даже город Старую Самару (Богородицкую крепость) и поставили в ней свою сотню; но, по предписанию сената 1744 года, 23 августа, «старосамарцам в вольности запорожские

¹⁸ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. II, отд. II, III.

¹⁹ Записки графа Миниха. СПб., 1874.

мешаться запрещалось»²⁰, а город Старая Самара войску запорожскому возвращался и впоследствии (в 1762 году) разорен был запорожскими казаками. В 1745 году велено было поселить на границе Украины девять ландмилицких полков; для чего определялось взять от юго-восточной границы Украины внутрь линий на 40, и за линию — на 30 верст земли. Тогда украинцы, перешагнув Орель, заняли здесь на 30 верст к востоку от левого берега ее луговые места, завели хутора и селения, между прочим, слободу Куриловку, основанную Китайгородским сотником Семеновым, которую потом запорожцы, заняв орельские места войсками, перенесли в другое место и назвали ее, по имени кошевого, Петровской, или Петриковской²¹. С этих пор начался продолжительный и ожесточенный спор между старосамарцами, с одной стороны, и запорожцами — с другой.

В это же время возник спор из-за пограничных владений на восточной границе запорожских вольностей, между запорожскими и донскими казаками. Чтобы покончить с распрями между донцами, старосамарцами и запорожцами,

²⁰ Яворницкий. Сборник материалов. СПб., 1888.

²¹ Григорий Миллер. Исторические сочинения. М., 1846.

правительство Елизаветы Петровны издало особый указ 1746 года, 15 апреля, считать границы запорожских вольностей с восточной стороны, от реки Днепра речками Самарой, Волчьей, Бердой, Калчиком, Кальмиусом и «прочими, впадающими в них реками и принадлежащими к тем речкам косами, балками и всякими угодьями — по прежнюю 1714 года границу, которая оставлена в стороне Российской империи, и по последнему разграничению с Оттоманской Портой»²².

Однако споры из-за пограничных владений на северной стороне продолжались и после этого. В 1752 году, 5 октября, запорожские казаки подали жалобу на высочайшее имя императрицы Елизаветы Петровны, что полтавский полковник Горленко представил гетману графу Кириллу Разумовскому, будто бы старосамарцы владели обеими сторонами реки Самары, со всеми ее лесными и другими угодьями, начиная от устья и дальше вверх на 50 верст и более, и просил гетмана те земли у запорожских казаков отобрать. Запорожские казаки, напротив, доказывали, что хотя старосамарские жители в тех вольностях и лес рубили, и сено косили, и рыбу ловили, и землю пахали, и пчелу разводили, но делали то по

²² Яворницкий. Сборник материалов, 135.

дозволению войска запорожского и самарских полковников за известную, отбираемую от них в пользу войска, десятину²³. Тогда от запорожских казаков потребовали подлинные документы на право владения их вольностями; по этому требованию кошевой Данило Стефанов Гладкий отправил в войсковую малороссийскую генеральную канцелярию копию с универсала гетмана Богдана Хмельницкого, 1655 года, и указа императрицы Елизаветы Петровны, 1746 года, и просил гетмана графа Кирилла Разумовского, чтобы и он, «по силе того гетмана Богдана Хмельницкого универсалу», подтвердил собственным универсалом же права запорожцев на их земли. Но гетман Разумовский, на основании одних копий с документов, никем не засвидетельствованных, исполнить просьбу запорожцев отказался. Он потребовал, чтобы запорожцы, а с ними вместе и старосамарцы, представили подлинные документы, выслали депутатов от войска, назначили следователей с той и другой стороны и законно указали, «по какие точно места владение запорожского войска должно простираться и какими землями старосамарские жители прежде владели и ныне им владеть

²³ Яворницкий. Сборник материалов, 47.

надлежит»²⁴. Созванные по этому поводу запорожские старожилы также подтвердили, что войско запорожское издавна владело угодьями по Самаре до речки Орели, посему Кош вновь просил через гетмана императрицу Елизавету Петровну, чтоб полтавскому полку в Самаре и в прочих тамошних местах во владении, по силе означенном 1746 года правительствующего сената указом, отказать и туда в Самарь ни за чем тому полку и старосамарским жителям мешаться не велеть»²⁵. На эту просьбу запорожских казаков последовал в 1756 году, 10 августа, следующий ответ: «Хотя войско запорожское просило об отказе старосамарским жителям во владении самарскими местами и о даче тому запорожскому войску на все владеемые ими с давних времен земли и угодья грамоты, то понеже о всех владеемых ими, запорожцами, землях и угодьях, кроме вышереченных, в 1746 году определенных мест, в нашем правительствующем сенате точного известия и описания нет, а грамоты 1688 и универсалы 1655 годов, на которые они, запорожцы, ссылаются, как здесь, в

²⁴ Там же, 78.

²⁵ Там же, 132, 133.

малороссийских делах, так и в Москве, в архиве коллегии иностранных дел, не нашлось, також хотя от запорожского войска в 1752 году от 5 октября писано, что когда гетман Богдан Хмельницкий со всем малороссийским народом под всероссийскую державу поддался, в то время, и еще наперед и после того войско запорожское рекою Днепром от Переволочной и впадающими по обе стороны в оную реку Днепр всеми речками и другими угодьями, а паче речкою Самарою и имеющимися в оной лесами, степями и прочими угодьями владели, а малороссийские жители якобы никогда тою землю не владели, то оное войско запорожское представляет весьма напрасно, и им, запорожцам, столь многих земель, как они пишут, даже по самую Переволочну присвоив, допустить не следует, ибо когда гетман Богдан Хмельницкий с народом малороссийским под высоковластную державу Российской империи в подданство пришел, в то время все города, села и деревни и оное войско запорожское состояли в одной дирекции гетманской и между Малою Россиею и войском запорожским границ не было, но где имелись не занятые поселением пустые земли и лесные угодья, — там как запорожским, так и малороссийским казакам в пристойных местах пасеки держать, рыбу и зверей ловить было невозбранно, а на землях Сечи Запорожской в то

время никаких мест и селений особых не бывало»²⁶.

В 1751 году границы вольностей запорожских казаков также значительно сократились, вследствие отдачи некоторой части их под поселения вышедших в Россию сербов и румын. Сперва, в 1752 году, явились в Россию сербы с Иваном Хорватом во главе; они заняли северо-западную окраину Запорожских степей и образовали здесь так называемую Новую Сербию с крепостью Св. Елизаветы, названной в честь имени императрицы Елизаветы Петровны, состоявшей из правильного шестиугольника и имевшей вместе с внешними укреплениями до 6 верст в окружности. Новосербам даны были лучшие земли теперешней Херсонской губернии по речкам Тясьмину, Выси, Синюхе и верст 60 южнее степи между Бугом и Днепром. Целью поселения новосербов была охрана окраины русских земель от запорожцев и татар. Охрана эта состояла в том, что новосербы строили ряд земляных шанцев и форпостов, в которые сажали милицию, наблюдавшую за всяким движением казаков и татар. Так, в Тресагах, на речке Выси, у польской границы, устроена была пятиугольная крепость, а разные другие селения

²⁶ Яворницкий. Сборник материалов, 136, 137.

укреплены были четырехугольными шанцами и названы вместо русских имен именами крепостей австрийской военной границы: Ольховатка — Панчовым, Нестеровка — Вершацом, Огецовка — Шолмошем, Андрусовка — Чонградом, Плахтиивка — Зимунем и т. п. Для того чтобы предупредить набеги запорожцев и татар на Новосербию и дальше, поселенцы ставили на высокие курганы обвязанные соломой шесты и, при первых признаках опасности, зажигали их огнем и тем самым ставили жителей в оборонительное положение²⁷.

Вслед за сербами Ивана Хорвата пришли в Россию, в 1753 году, из Австро-Венгрии славяносербы с Иваном Шевичем и Райком Депрерадовичем во главе; они заняли северо-восточные окраины запорожских степей и образовали здесь так называемую Славяносербию с крепостью Бахмутом, получившей название от речки Бахмут, притока Северского Донца. Тогда от вольностей запорожских казаков отошел с одной стороны, в северо-восточном углу, участок земли, заключенный между речками Северским Донцом, Бахмутом и Луганью, и с течением времени — все

²⁷ Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839.

пространство земли почти до самой вершины левого притока Днепра Самары; а с другой, в северо-западном углу, от вольностей запорожских казаков отошел большой участок земли — начиная от устья речки Кагарлыка и идя далее прямою линией до верховья речки Турьи, а от верховья Турьи — по устью речки Каменки, левого притока реки Ингула; от устья речки Каменки — на устье речки Березовки, левого притока того же Ингула; от верховья Березовки — на вершину речки Омельника и отсюда вниз по Омельнику до самого устья ее, где она впадает в Днепр, — отступление от польских границ на 20 верст²⁸.

В то же время, в 1752 году, 20 апреля, у запорожских казаков отделен был еще участок земли от речки Омельника вниз к речке Самоткани для поселений тех же новосербов. «Хотя к Днепру на некоторое небольшое расстояние в число тех определенных мест (новосербских) речка Самоткань и не пришла, но уже к вечному поселению тех обывателей границей их владений, для живого рубежа, положена по самую речку Самоткань, речки же Бешка в новосербском и казачьем, а Верблюжка почти вся в слободском

²⁸ Карта де Боксета 1751 г.; грамота Разумовскому 1751 г., 9 сент.

поселениях состоят». В силу этого указа все запорожские зимовники, находившиеся на левому берегу реки Самоткани, велено было, ввиду прекращения ссор, воровства, грабительств и разбоев со стороны запорожских гайдамаков, перенести на другие удобные места, в запорожских же дачах состоящие²⁹.

К двум поселениям, Новосербии и Славяносербии, в то же время, в 1752 году, 20 ноября, по именному указу императрицы Елизаветы Петровны, прибавилось еще и третье, на границе вольностей запорожских казаков, поселение Слободского малороссийского полка. Определением сената, от 18 августа 1752 года, велено было водворить это поселение Слободского малороссийского полка в той же северо-западной окраине запорожских земель, на 20 верст ниже новосербской границы, «учредить их казаками так, как слободские полки состоят, и быть в ведомстве крепости Св. Елизаветы коменданта»³⁰. А указом 1756 года, от 16 июня, на имя коменданта крепости Св. Елизаветы Глебова, за Слободским малороссийским полком утверждались речки —

²⁹ Яворницкий. Сборник материалов, 134–136.

³⁰ Яворницкий. Сборник материалов, 192, 144.

Самоткань, Вешка и Верблюжка, запорожцам же велено было владеть по границу 1714 года, а все запорожские земли приказано было снять и положить на карту; но так как последнее не было исполнено, «то положена была только черта границы тогдашней Новосербии и поставлены, в немалом отдалении, подаваясь к Сечи, компанейских и малороссийских полков форпосты»³¹. В 1758 году по снимку геодезиста Семена Леонтьева северо-западная граница вольностей запорожских казаков, со стороны поселения Слободского малороссийского полка, ограничивалась чертой, начиная от устья речки Черного Ташлыка, притока речки Синюхи, потом — вдоль речки Сугаклея Камышеватого, правого притока реки Ингула, далее — через реку Ингул, левый приток Ингула речку Аджамку, между верховьев речек Каменки и Вешки, и кончая прямой линией у левого берега реки Днепра³². В следующем году, 17 марта, сделано было запорожским казакам «крепкое подтверждение из селений Новосербии уходящих казаков отнюдь не

³¹ Григорий Миллер. Исторические сочинения. М., 1846.

³² Записки Одесского общества истории и древностей, приложения: карта де Боксета.

принимать». Возникшие пограничные споры между запорожцами и поселенцами Слободского малороссийского полка заставили русское правительство выслать в 1760 году, 19 января, геодезиста Ивана Исленьева, для размежевания запорожских земель, но запорожцы нашли в размежевании Исленьева некоторые неверности, подали о том письменное прошение и тем удержали высланного геодезиста от дальнейших его действий. В 1763 году для размежевания границ между владениями запорожских казаков и поселян Слободского малороссийского полка высланы были запорожские депутаты, но за спорами противники вновь не пришли ни к какому соглашению³³.

Спустя три года, в 1766 году, границы вольностей запорожских казаков определялись со всех сторон следующим образом, как свидетельствует господин Чернявский в своей «Истории князя Мышецкого»: «Земли запорожских казаков, состоящие большей частью из пустой и дикой степи и простирающиеся в окружности около 1700 верст, распространяются от Сечи по правой стороне реки Днепра вниз к Кизыкермену до реки Каменки, где начинается турецкая граница к

³³ Григорий Миллер. Исторические сочинения. М., 1816, 54.

Очакову, около 100 верст. От устья этой реки Каменки земли идут по реке Бугу через речки Ингулец, Висунь, Ингул, Громоклюю, Еланец, Солоную, Мертвовод, Гарбузинку и Ташлык — до Буга, по учрежденной границе с турецкой областью, более 160 верст. С другой стороны Сечи земли шли вверх по Днепру до устья реки Самоткани, потом по речке Самоткани и через степь по границе Новороссийской губернии до речки Буга, расстоянием более 550 верст. С левой стороны реки Днепра земли запорожских казаков идут от устья реки Конки вверх по Днепру мимо порогов, даже до устья реки Самары, потом — вверх по Самаре до реки Конки, далее — по-над Конкой до впадения ее в Днепр ниже Каменного Затона, что против Никитинской заставы, где запорожские казаки содержат через Днепр перевоз на Крымской дороге; в этой окружности более 850 верст»³⁴.

В 1768 году, когда пограничные форпосты украинской линии «сведены были на самую черту», запорожцы вновь подняли вопрос о неправильном захвате их земель новосербами и требовали нового размежевания границ. А спустя два года, когда учрежден был пост из запорожских казаков в

³⁴ Чернявский в «Истории» князя Мышецкого, 80.

слободе Желтой для защиты поставщиков провианта во время Второй Турецкой войны, запорожцы захватили эту слободу себе, устроили в ней паланку, а около нее постепенно забрали некоторые другие селения с их людьми, и потом объявили, что и Елисаветградская провинция поселена на их собственной земле³⁵.

С 1772 по 1774 год на карте Елисаветградской провинции владения вольностей запорожских казаков определялись линией от устья речки Мигейского Ташлыка, впадающего в Буг с левой стороны, и кончая устьем речки Самоткани, впадающей в Днепр с правой стороны, границей, установленной в 1764 году; на южной границе от реки Буга ниже Мигейского Ташлыка через Гарбузинку, Мертвовод, Солоную, Еланец, Ингул, по-над правым берегом Доброй, через Висунь, Ингул и к устью речки Каменки, впадающей в Днепр выше Кизыкерменя³⁶.

На северо-востоке и юго-востоке в это же время, в 1772 году, запорожские казаки показывали

³⁵ Григорий Миллер. Исторические сочинения. М., 1847, 54.

³⁶ Ястребов. Объяснительная записка Елисаветградской провинции, 1885.

границу своих вольностей следующим образом. «От вершины Орели, с-под крепости Тройчатой, до вершины Береки, а оною прямо по-над линией против Петровской крепости в Донец упавшей на устье оной (то есть от вершины Береки до устья ее), в которую Береку впадают речки Бритаи и Камышеватая; от устья речки Береки прямо Донцем до Тавалского байрака Князем Косоговым рвом по новой черте, деланной до Теплянского Святогорским монастырем владеемого леса; оттоль же по той черте Голою долиною на гору до урочища Серковой могилы, где ныне форпост состоит; от той могилы в Сухой Торец на Серкову гатку; от гатки до урочища речки Бычка, зовемого ныне Клибыною; чрез оный же Бычок в Кривой Тор на Песчаный брод и через вершину речки Кринки на пограничные поблизости Миюса две могилки; от могилок чрез Миус на вершину Морского Чулека; от Чулека на устье Темерника, впадающего в реку Дон, до граничных могил»³⁷.

В 1774 году, после мира России с Турцией в Кучук-Кайнарджи, 10 июля, владения запорожских казаков увеличились с одной стороны, по левому берегу Днепра, большим участком земли против

³⁷ Яворницкий. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890, 325

бывшей турецкой крепости Кинбурна, а с другой стороны, по правому берегу Днепра, тем углом земли, который находится между устьями рек Каменки и Буга и речки Ташлыка. Тогда границы запорожских владений установлены были в таких гранях: по левой стороне Днепра пограничная линия шла, начиная снизу вверх от мыса Кинбурна, отделяющего Черное море от Днепровского лимана, по-над левым берегом реки Днепра — мимо Збурьевского кута до урочища Голого перевоза и нарочно насыпанного с углями при перевозе кургана, расстоянием 75 верст. От этого кургана, от юга к западу, на твердую землю прямой линией 3 версты и 194 сажени до стоявшего на дороге кургана; от этого второго кургана, от юга к западу, прямой линией, длины 7 верст и 290 сажен до третьего нарочно насыпанного с углями кургана; от этого третьего кургана, от юга к западу, прямой линией, длины 5 верст и 116 сажен на случившийся курган Мезарлы-Тепе; от кургана Мезарлы-Тепе, повернув от запада к северу, прямой линией через Коп-Кую, или Каменный Колодезь, до Черного моря, длиной 28 верст, до нарочно насыпанного у берега кургана; берегом же Черного моря от повторяемого колодца до Кинбурна 46 верст, чем и замыкалась вся округность земли к Кинбурну.

В соответствии с этим, на правом берегу Днепра пограничная линия шла по реке Бугу от

Гарда или от устья речки Ташлыка при Гарде, там, где лежал камень для обозначения границы, до самого устья Буга при урочище Скелевском Роге, ниже Семенова Рога, и отсюда вверх по Днепру до того места, где в него впадает речка Каменка. Соединение вод Днепра и Буга делало живую границу между владениями турецко-татарскими и запорожскими. Расстояние от Гарда или от прежней границы при устье впадающей в Буг незначительной речки Ташлыка, по левому берегу Буга до Скелевского Рога — 179 верст, и исключая разные повороты, следуя по дороге, также не прямой линией, — 130 верст. «От пограничного камня при Гарде или речке Ташлыке граница шла внутрь земли через речку Гарбузинку на сделанные нарочно при ней два кургана, от юга к востоку, расстоянием 10 верст и 20 сажень; от тех курганов на урочище Сагайдак³⁸ при речке Мертвоводе через речку Гарбузинку, от юга к востоку, длиной 10 верст и 160 сажень, а перейдя Сагайдак — к речке Солоной на Каменную мечеть, от юга к востоку, длиной 10 верст и 80 сажень, до нарочно насыпанных курганов; от курганов через речки Солоную и Еланец, от юга к востоку, на

³⁸ «Сагайдак» значит лук: «каменный берег фигурою лука вышел, потому от татар тем урочище зовется».

Аргамаклы-Сарай («Дворец на Громоклее»), длиной 27 верст и 450 сажен, до двух курганов; и той же линией через речку Аргамаклы (Громоклею), над которой насыпаны два кургана; от Сарая расстояния 2 версты и 50 сажен. А всего по этой линии 30 верст, и от всех курганов по-над берегом вниз этой речки Аргамаклы, от юга к востоку, длина 4 версты и 320 сажен, на такие ж два кургана: от двух курганов по тому ж направлению, от юга к востоку, на два новых кургана, длиной 5 верст и 150 сажен; от этих двух курганов к реке Ингулу на такие ж два кургана, от юга к востоку, длиной 5 верст; от этих курганов через реку Ингул на два кургана в том же направлении, длиной 1 верста и 350 сажен; а от этих курганов степным подом к вершине речки Доброй, в том же направлении, длиной 35 верст и 400 сажен, где на случившемся тут большом кургане выкладены камнем два малые кургана, подобные граничным; и от того большого кургана, в том же направлении, через речку Вулсун (Висунь) на сделанные граничные два кургана, длиной 5 верст и 300 сажен; а от тех курганов до Белых Криниц, от юга к востоку, длиной 10 верст и 450 сажен; а от Криниц — 28 верст через речку Ингулец, в том же направлении, на курган, который случился перед

устьем Каменки, не доходя одной версты³⁹; а на самое устье Каменки до Днепра от тех Криниц, в том же направлении, расстоянием 49 верст, — чем и оканчивалась граница угла степи, по земле, делая от Гарда длины 193 версты и 225 сажен; а весь округ угла степи, считая по берегам Днепра, обоих лиманов и Буга, составлял 524 версты и 475 сажен»⁴⁰.

Выше показанных пунктов, Мезарлы-Тепе и устья Каменки, граница вольностей запорожских казаков оставалась прежней. С восточной стороны она шла рекой Конкой и другими речками, составлявшими новую границу России с Турцией параллельно «новой» днепровской линии, учрежденной в 1770 году с ее семью крепостями; начиналась она крепостью Александровской, потом шла по-над речками Конкой и Бердой к Азовскому морю, и оканчивалась при устье Берды крепостью

³⁹ «От сих Криниц, объявляли запорожцы, граничный курган от юга к востоку длиною 40 верст и 350 саж., а от него уже к устью Каменки тож на курган, от юга к востоку, длиною 8 верст и 150 саж., но как при тех курганах не видно знаков граничных, какие есть в прочих местах, то и граница от Криниц назначена прямо на устье Каменки».

⁴⁰ Записки Одесского общества истории и древностей, VII, 166, 171–173.

Петровской. С западной стороны, от Польши, владения запорожских казаков ограничивались речкой Синюхой, от устья которой течение Буга вниз составляло границу Российской империи с Турецкой⁴¹.

Накануне падения Сечи границы вольностей запорожских казаков определялись следующим образом. От речки Бахмута ниже «старой» украинской линии, учрежденной в 1733 году и тянувшейся от устья реки Орели к верховью Северского Донца до реки Буга, в длину 600 верст, от устья Берд до «старой» украинской линии, в ширину 350 верст; на востоке с землей Войска Донского; на юге и западе с землей турецкой — Очаковом и Крымом, а против Кубани — по Азовское море⁴².

Нет сомнения, однако, что запорожские казаки часто выходили за пределы своих вольностей, считая границы собственных владений гораздо шире указанных трактатами и постановлениями; так, на западе они полагали границей своих вольностей реку Случ — «оце знай,

⁴¹ Там же, 173, прим. 30; XI, 225.

⁴² Калачев. Архив история, и практическ. сведений. СПб., 1861.

ляше, де твое, а де наше», на востоке — реки Чабур, Ею и Кубань⁴³; в пределах нынешней Кубанской области они жили даже оседло, как видно из указа императрицы Елизаветы Петровны, от 11 июля 1745 года, в построенных ими «шишах, не малыми ватагами», и занимались рыбной ловлей⁴⁴.

Взятые в самых обширных пределах вольности запорожских казаков в применении к современной географии составляли всю Екатеринославскую губернию с ее девятью уездами: Екатеринославским, Верхнеднепровским, Новомосковским, Александровским, Павлоградским, Бахмутским, Славяносербским, Ростовским⁴⁵ и Мариупольским, и значительную часть Херсонской — по реку Буг с ее тремя уездами: Херсонским, Александрийским и Елисаветградским, исключая тех, которые находятся по правую сторону Буга: Одесского, Ананьевского и Тираспольского; кроме того, к

⁴³ Яворницкий. Сборник материалов, 152.

⁴⁴ Фецицын. Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1890.

⁴⁵ Ростовский уезд в 1889 г. отошел к земле войска Донского.

запорожским вольностям принадлежала некоторая часть Днепровского уезда теперешней Гаврической губернии, вниз от города Алешек, и небольшой участок земли, 60 верст длины при 66 верстах ширины, Харьковской губернии, Изюмского уезда, с центральным селением Барвинковой Стенкой.

Глава 2. Гидрография, топография и климат Запорожского края

Запорожские казаки занимали огромное пространство степей, прилегающих к обоим берегам Днепра в его нижнем течении, от восточной границы Польского королевства и южной окраины владений Малорусского и Слободского казачества до реки Буга с одной стороны и вдоль правого берега речки Конки и до речки Кальмиуса, впадающей в Азовское море, — с другой. На этом пространстве степей имелось несколько больших и малых рек с их многочисленными притоками и рукавами, или, как говорилось у запорожцев, со степными речками и низовыми ветками. Одни из этих рек протекали в западной половине запорожских вольностей, другие — в восточной; реки западной части принадлежали к бассейну Черного моря, реки восточной — к бассейну Азовского моря. Из рек Черноморского бассейна известнейшими были Днепр и Буг.

Днепр — это священная и заветная для запорожцев река; в казацких думах он называется «Днипром Славутою»⁴⁶, в казацких песнях — «Днипром-братом», на лоцманском языке — «Казацким шляхом». В пределах запорожских казаков Днепр начинался с одной стороны выше речки Сухого Омельника, с другой — от речки Орели, и протекал пространство земли в 507 верст, имея здесь и наибольшую ширину, и наибольшую глубину, и наибольшую быстрину; в пределах же запорожских казаков он характеризовался и всеми особенностями своего течения — порогами, заборами, островами, плавнями и холуями. Всех порогов в нем при запорожских казаках насчитывалось девять — Кодацкий, Сурской, Лоханский, Звонецкий, Ненасытецкий (или Дид-порог), Волниговский (или Внук-порог), Будиловский, Лишний и Вильный.

Самый большой и самый страшный из всех порогов — порог Неясытецкий, или Ненасытецкий, названный, по одним источникам, от птицы неясыти, в старину водившейся здесь, по другим — от слов «не насыщаться», потому что он никогда не насыщается человеческими жертвами несчастных

⁴⁶ Антонович и Драгоманов. Исторические песни малорусского народа. Киев, 1874, I, 217.

пловцов. Это — родоначальник и всем порогам порог, — Дид-порог. Страшным делают его и самое движение в нем воды, и те громадные вековечные камни, которые частично торчат среди самого порога, частично — отделяясь от берегов реки, выступают далеко в середину ее. Река Днепр, свободно и плавно несущая свои воды выше Ненасытеца, дойдя потом до самого порога и встретив здесь несокрушимые препятствия в виде лав, скал, гряд и мысов, с непостижимой силой ударяется в разные стороны, бросается с одного камня на другой; вследствие этого страшно волнуется, высоко вздымает огромные валы серебристого «бука», разбивается миллионами миллионов водяных брызг, разлетается в разные стороны целыми потоками водяной пыли, выкручивает между скал бездонные пучины и всем этим производит такой страшный шум и стон, который слышится уже на далеком расстоянии от порога и который в самой реке поглощает собой всякий другой звук — и крик птиц, и голоса людей. Издали кажется, как будто бы в реке семьсот тысяч огромных водяных мельниц непрерывно стучат и переливают воду через свои колеса. «Вин так меле, шо аж гремыть, аж земля трусытця...»! Картина поистине страшная и вместе с тем — поистине могучая и величественная, не поддающаяся никакому описанию и никакой кисти; для

изображения ее, говоря арабской поговоркой, языку неостанет слов, а воображению красок. Особенно величественным и особенно чарующим кажется Ненасытец с высоты птичьего полета с правого берега реки в большой разлив воды — когда вся поверхность его засеребрится белой жемчужной пеной, а громадные, из-под воды торчащие камни покроются множеством гнезд местных птиц крячек, беспрестанно снующих над порогом, ярко блистающих своими перьями на южном солнышке, поминутно трепещущих маленькими крылышками и жалобно оглашающих воздух своим свистом и чириканьем; когда он порою и ревет, и стонет, и высоко вздымает свои воды, а потом сразу так обрывается и так стихает, что становятся слышными даже переливы воды его, идущие с камня на камень, скользящие с лавы на лаву и дающие возможность местным жителям тем самым предугадывать перемену погоды. Без сомнения здесь, у этого заветного порога, в виду его огромных скал, в живописном беспорядке разбросанных и по самому руслу, и по берегам реки, в виду высоких могил, поднимающихся в степи с обеих сторон реки и невольно наводящих на многие о прошлых судьбах человечества грустные думы; здесь, в виду этого грозного, дикого и заветного порога, часто сиживали и часто любовались с высокого мыса на мчавшиеся по

скатам скал кипящие волны реки истинные ценители красот природы, мечтатели в душе, поэты в речах, художники в песнях — запорожские казаки. Любо им было смотреть на бешеную быстроту воды в Ненасытце; дощатая барка пробегала все пространство его, две с лишком версты, в четыре минуты, а лесной плот — с небольшим в одну минуту...

От порогов отличаются заборы в Днепре; заборы — те же гряды диких гранитных скал, разбросанных по руслу Днепра, как и гряды порогов, но только не пересекающие реку сплошь от одного берега до другого, а занимающие часть ее, по преимуществу с правого берега реки, и таким образом оставляющие с другого берега свободный для судов проход. Всех забор считается в Днепре в пределах низовых казаков 91, но из них больших, искони известных забор было шесть — Волошинова, Стрельчья, Тягинская, Воронова, Кривая и Таволжанская. От забор отличаются камни, одиноко торчащие то там, то сям среди реки или у берегов ее; из множества камней, разбросанных по Днепру, самых известных было семь — Богатыри, Монастырько, Корабель, Гроза, Цапрыга, Гаджола и Разбойники. Между порогами, далеко выше и далеко ниже их, на всем Днепре в границах земли запорожских казаков, считались 265 больших и малых островов, из коих самых

известных было двадцать четыре — Великий, Романов, Монастырский, Становой, Козлов, Ткачев, Дубовый, Таволжанский, Перун, Кухарев, Лантуховский, Гавин, Хортица, Томаковка, Стукалов, Скарбный, Скалозуб, Коженин, Каир-Козмак, Тавань, Буртуй, Тягинка, Дедов и Сомов⁴⁷.

Почти все береговое пространство Днепра, кроме порожистого, представляло собой роскошные и едва проходимые плавни, доставлявшие запорожским казакам и лес, и сено, и множество дичи, и множество зверей. Плавни эти представляли собой низменность, покрытую травяной и древесной растительностью, изрезанную в разных направлениях речками, ветками, ериками, заливами, лиманами, заточинами, покрытую множеством больших и малых озер и поросшую густым, высоким и непроходимым камышом. Из всех плавней в особенности знаменита была плавня Великий Луг, начинавшаяся у левого берега Днепра, против острова Хортицы, и кончавшаяся, на протяжении около 100 верст, на том же берегу вниз по Днепру, против урочища Палиивщины,

⁴⁷ О порогах, заборах, камнях и островах см. наше сочинение «Вольности запорожских казаков». СПб., 1860, 33–50, 51–114.

выше Рога Микитина. Для запорожца, не знавшего в среде суровых товарищей своих «ни неньки ридненькой, ни сестры жалибненькой, ни дружины вирненькой», всю родню составляли Сечь да Великий Луг: «Сичь — мате, а Велький Луг — батько, оттам треба и умирати»; запорожец в Великом Лугу, что в необозримом море: тут он недоступен «ни татарину-бусурманину, ни ляху поганому». Самое русло Днепра, на некоторое пространство его, загромождено было так называемыми холуями или карчами, то есть подводными пнями деревьев, росших по берегам реки, ежегодно подмывавшихся вешними водами и ежегодно во множестве обрушивавшихся на дно Днепра.

Река Буг также была «славною» рекою у запорожских казаков: она принадлежала им своим нижним течением, от балки Большого Сухого Ташлыка до устья лимана, около 180 верст, по прямому направлению, длины; на этом пространстве его имелось — 21 порог с самым большим Запорожским порогом, несколько забор, несколько отдельных скал с огромнейшими — Совой, Брамой, Пугачем и Протычанской, несколько островов, каковы: Кременцов, Андреев и Бардовый, на коем была церковь, разрушенная, по преданию, казаком-ренегатом Саввою Чалым; несколько пещер, особенно известна Кузня-пещера,

против селения Мигни, на левом берегу реки; несколько кос, например: Жабурная, Осницкая, Павлова, Балабанова, Кривая, Ожаровская, Русская и Волошская, и несколько береговых мысов, каковы Семенов и Скелеватый⁴⁸.

Обе этих реки, Днепр и Буг, питались своими речками и ветками, приливавшими к ним в разных местах к обоим берегам. Из множества притоков Днепра с правой стороны наиболее известными были: Сухой Омельник, Мокрый Омельник, Домоткань, Самоткань, Сура, Грушевка, Томаковка, Базавлук и Ингулец с его знаменитым притоком Желтыми Водами⁴⁹; из множества притоков Днепра с левой стороны наиболее известными были: Орель с боковыми Богатой и Берестовкой, Самар с боковой Волчьей, состоящей из Ганчула и Янчула, Вороная, Осокоровка, Московка Сухая, Московка Мокрая, Конка, Белозерка, Рогачик, Лопатиха, пять речек Каинок, Сомова и Янушева. Из множества веток Днепра с правой стороны наиболее известными были: Ведмирка, Лесная,

⁴⁸ Яворницкий. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890, 130–136.

⁴⁹ Что Желтые Воды приток Ингульца, в том убеждает Мышецкий.

Тарас, Бугай, Днеприще, Орлова, Подпильная, Павлюк, Скарбная, Сысина, Колотовская, Коловорот, Царева, Дармамовка, Омеловая, Космаха, Казацкая, Бургунка, Тягинка, Ингульская, Кошевая, Ольховка, Корабельная, Белогородова и Солонецкая. Из множества веток Днепра с левой стороны наиболее известными были: Подпильная, Паньковка, Домаха, Кушугум, Речице, Музурман, Плетениха, Темрюк, Конка, Святая, Метелиха, Лободиха, Бристана, Бабина, Татарка, Царевская, Евпатиха, Гребениха, Волошка, Шавулиха, Чаплинка, Костырская, Дурицкая, Таванская, Гниловод, Хруловая, Голубова, Алексеева, Кардашинская, Маслова, Борщева, Солонецкая и Збурьевская⁵⁰.

Из нескольких притоков реки Буга с левой стороны наиболее известными были: Синюха, Мигийский Ташлык, Корабельная, Ташлык, Еланец, Мертвовод и Ингул с главнейшими притоками его: Аджамкой, Сагайдаком, Грузской, Сугаклеей, Березнеговатой и Громоклеей.

Из рек же Азовского бассейна запорожским казакам принадлежали: Торец, Бахмут, Лугань, Кальмиус, Кальчик и три речки Берды, параллельно

⁵⁰ Яворницкий. Вольности запорожских казаков, 119–160, 161–172.

одна другой текущие с севера на юг и впадающие непосредственно в Азовское море.

Кроме рек, речек и веток в Запорожском крае было немало озер, гирл, лиманов и прогноев. Озер, гирл и лиманов вдоль обоих берегов Днепра считалось 465, вдоль левого берега реки Орели — 300, по обоим берегам реки Самары — 24; из первых особенно известны были: Червонный лиман, против Червонной, или Лысой, горы, выше Рога Микитина; Великие Воды, против устья речки Базавлука, 6 1/2 версты длины, 50 сажен ширины и 2 аршина средней глубины; Плетеницкий лиман, выше первого впадения речки и ветки Конки в Днепр против Плетеницкого Рога, 4 версты длины; Белозерский лиман у левого берега Днепра, ниже Плетеницкого лимана, 5 верст длины; Хруловой, или Чернечий, лиман, против ветки Фроловской, ниже Корсунского монастыря, до 4 верст длины; Кардашинский лиман, до 5 верст длины, против острова Потемкина; Солонецкие озера на острове Погорелом; гирла Збурьевское и Белогрудовское, лиманы Днепровский и Бугский и множество безымянных соляных озер около Днепровского лимана; кроме того, за правым берегом речки Кальчика известно было Белосарайское озеро, а на Бердянской косе — несколько небольших соляных

озер⁵¹.

Из рассмотрения гидрографии Запорожского края видно, что край этот был далеко не маловодным: центр его прорезывается большой и многоводной рекою Днепром со множеством ее озер, а восточные и западные окраины изрезаны были в разных направлениях множеством рек, речек, прогноев и ериков, которые, подобно жилам в живом организме, несли свои пресные, горькие и соленые воды по безмерным степным равнинам Запорожского края; обилие вод в своем крае казаки характерно выражали словами песни:

З устя Днипра тай до вершины —
Симсот ричок ще і чотыри.

«Речек в сей земле хотя по обширности ее и не весьма, однако довольно»⁵², — сообщают нам «Записки Одесского общества истории и древностей». Особенность этих речек состоит в том, что все они обыкновенно текут долинами от 1 до 8 верст ширины и редко бывают окаймлены

⁵¹ Яворницкий. Вольности запорожских казаков, 173–182.

⁵² Записки Одесского общества истории и древностей, VII, 183.

лесом, большей же частью камышом и травой, что объясняется свойством самой почвы, по которой несут свои воды степные речки; при речках были и болота, но они часто высыхали в знойное и сухое лето.

При всем этом климат в земле запорожских казаков нельзя назвать влажным: напротив того, сухим, маловлажным и нередко даже вредным для местной растительности края. Господин Штукенберг в своих «Статистических трудах» определяет его так: «Климат этой страны зависит от пояса, в котором находятся степи, от соседства холмистых стран на севере, обширных степей на востоке, морей на юге и возвышенностей на западе, в частности, от направления балок, байраков и оврагов на самых степях запорожских»⁵³. Сухость климата Запорожского края происходит от шести причин: во-первых, от возвышенного положения, до 150 футов, степи над уровнем моря, по которому нижние слои морского воздуха, вообще умеряющие летний зной и зимнюю стужу, не имели такого влияния на обширный край запорожских казаков; во-вторых, от открытого положения всего края, ни с какой стороны не защищенного высокими горами;

⁵³ Штукенберг. Статистические труды. СПб., 1852, XXXV, 37.

в-третьих, от отсутствия больших лесов, задерживающих у себя влагу и умеряющих до известной степени климат всякой местности; в-четвертых, от соседства сухих и вредных ветров, восточного и северо-восточного, дующих здесь по целым месяцам, уносящих с собою всякую влагу, сушащих траву, лесную растительность и иногда вырывающих хлеб вместе с корнями; в-пятых, от мелководья и незначительной величины речек, текущих здесь крайне медленно, большей частью плесами, в летнее время совершенно пересыхающих, покрывающихся болотными растениями, очень часто гниющих и порождающих всякого рода заразы, оттого нередко имеющих вредное влияние на местные произрастания и совсем не умеряющих сухости воздуха, как это в особенности бывало в восточной окраине запорожских вольностей, паланке Кальмиусского ведомства⁵⁴; наконец, в-шестых, от присутствия в Запорожском крае множества балок и оврагов, принимающих в себя главную массу весенней и дождевой воды и не дающих возможности ей застаиваться на открытых и ровных местах и постепенно просачиваться под почву.

⁵⁴ Александрович. Краткий обзор Мариупольского у., Мариуполь, 1887, 10.

Все пространство земли, занимаемое запорожскими казаками, носило характер по преимуществу степной. Запорожская степь имела своеобразную особенность. Как пишет Штукенберг: «открытая, безмолвная, усеянная природными холмами, искусственными курганами, прорезанная оврагами и долинами, она иногда поражала глаз прекрасной игрой зелени, иногда казалась иссушенной палящими лучами солнца»⁵⁵. По характеру самой поверхности, по климату и растительности вся запорожская степь была далеко не одинакова: северная окраина ее более холмиста и более возвышенна, южная окраина — более ровная и более склонна к берегам Черного и Азовского морей; северная окраина более влажна и более производительна; южная — чем ближе к границе, тем безводнее и тем беднее растительностью; в северной окраине балки многочисленнее, глубже и богаче растительностью, в южной — балки малочисленные, покатишее и беднее растительностью; наконец, северная окраина запорожских вольностей не так подвержена знойным лучам солнца: южная особенно подвержена страшному действию палящего солнца, нередко истребляющего здесь, например, при

⁵⁵ Штукенберг. Указ, соч., 40.

продолжительном бездождии, всякую растительность, страшно накаляющего степной воздух и производящего глубокие в земле расщелины. Оттого южная окраина запорожских степей, в особенности теперешняя Херсонская равнина, по преимуществу носила у польских и русских писателей прошлых веков название «Дикого поля», «Пустополя», «Чистополя». На этом «Диком поле» спасительными оазисами были лишь немногие реки да некоторые балки, по берегам и склонам которых удерживалась иногда и в знойное, сухое и безводное лето лесная и травяная растительность.

Характерное явление запорожских степей составляют все те же балки, а также овраги и байраки. Балками называются здесь более или менее глубокие долины с отлогими берегами, покрытые травой, иногда лесом и служащие естественными желобами для стока вод из степных открытых мест в реки, речки, озера, лиманы, прогной и ерики. На языке геологическом балками называются мертвые, недействующие, покрытые лесной или травяной растительностью овраги; просто оврагами же называются действующие балки с крутыми, обнаженными берегами, обрушивающимися от весенних и дождевых разливов и потому пропускающими воды в слой своей подпочвы; байраками называются те же

овраги, но покрытые непременно лесом, более или менее густым и высоким.

Балки всегда представляли, как и теперь представляют, местный тип Запорожской страны; при довольно значительной длине, иногда в несколько десятков верст, они нередко доходят до 150 футов глубины и всегда имеют направление к морю, Черному или Азовскому⁵⁶. В истории запорожских казаков балки, овраги и байраки имели значение как первые пункты постепенной колонизации обширной, дикой и пустынной степной равнины: «по сим угодьям запорожское войско владело и промыслы свои имело», то есть в балках или около балок заводились сперва бурдюги, потом зимовники и наконец — села семейных и несемейных запорожцев. Главное место в этом случае, разумеется, занимали балки по обоим берегам Днепра, затем балки по берегам его притоков, больших и малых, и наконец — балки по берегам степных речек. Всех балок, оврагов и байраков в степях запорожских казаков было поистине необозримое число, точно звезд в бесконечном пространстве небес. Из множества их можно назвать лишь главнейшие балки обоих

⁵⁶ Список населенных мест; Екатеринославская губ. СПб., 1863, VI, VII.

берегов Днепра, начиная от верхней границы вольностей запорожских казаков и кончая нижними. По данным XVII и XVIII веков, таких балок у правого берега Днепра было 95 и у левого — 36⁵⁷. Из первых наиболее известными были: Звонецкая, Тягинская, Будиловская, Лишняя, Старокичкасская, Хортицкая, Лютая, Золотая, Дурная, Меловая, Пропасная, Верхняя Солонецкая, Широкая и Нижняя Солонецкая. Из вторых наиболее известными были: Лоханка, Тягинка, Дубовая, Таволжанская, Лишняя, Кичкасская, Бабина, Гипетуха, Широкая и Валивала. Из степных балок наибольшею известностью пользовались: Дубовая, или Гайдамацкая, падающая в левый приток Ингульца, Саксагань — теперь против усадьбы хутора Дубовой Балки умершего владельца Александра Николаевича Поля, Екатеринославской губернии, Верхнеднепровского уезда — и балка Княжие Байраки, того же уезда, начинающаяся от левого притока Ингульца, Желтых Вод, и падающая в правый приток Днепра, Мокрый Омельник. Общее направление последней балки — с юго-запада на северо-восток, все протяжение ее — 15 верст, наибольшая глубина при устье ее — почти 60 сажень прямого отвеса; по преданию, эта балка

⁵⁷ О балках см. Вольности запорожских казаков, 185, 217.

получила свое название от какого-то князя Вишневецкого, иссушившего все водные источники в собственной земле, чтобы уморить своих крестьян жаждой, и томившего их даже долго после своей смерти⁵⁸; в истории запорожских казаков балка Княжие Байраки приобрела большую известность как место первой битвы гетмана Богдана Хмельницкого на Желтых Водах с поляками в 1648 году, 8 мая.

Недостаток леса также составлял характерное явление Запорожского края; леса здесь росли только по местам низменным, наиболее влажным или же наиболее суглинистым и супесчаным, то есть по берегам рек, озер, лиманов, по речным островам, склонам балок, оврагов, пригорков; все другие места представляли собой безлесную равнину, покрытую в летнее время травой, в зимнее — замурованную снегами. Из данных прошлых веков видно⁵⁹, что леса в пределах вольностей запорожских казаков шли по правому и по левому берегам Днепра, иногда подряд, иногда — с большими промежутками, отсюда далее — к

⁵⁸ Яворницкий. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890, 213.

⁵⁹ Там же, 241.

юго-западу до Буга и к юго-востоку до Азовского моря; видно также, что из всех окраин вольностей запорожских казаков северо-восточная окраина, паланки Протовчанская, Орельская и Самарская, теперешний Новомосковский и частью Павлоградский уезды по справедливости считались самыми лесистыми паланками всего Запорожья. Вдоль правого берега Днепра леса начинались около речек Мокрого и Сухого Омельников и ши, то сплошь, то прерываясь, до ветки Дремайловки и ниже ее; все это громадное пространство земли, до 400 верст в одну линию, составляло около 80 000, приблизительного счета, десятин леса. Кроме того, на запад от правого берега Днепра леса встречались по речкам Суре, Базавлуку, притокам Ингульца: Зеленой, Каменочке, Терновке и Саксагани; по Ингульцу, Бешке, Аджамке, Березовке, между Березовкой и долиной Темной, где рос «Соколиный» лес, до 400 десятин земли; между верховьем Ингула и Тарговицей, по Ингулу, Сугаклее, Сугаклейчику, Мертвоводу, Чечаклее, Громоклее, Кагарлыку, Терновой, по Бугу у Песчаного брода, Виноградной Криницы, по Семенову Рогу; по балкам Глубокой, впадающей в Желтые Воды, Княжим Байракам, где рос дремучий и непроходимый лес; по Дубовой, или

Гайдамацкой, балке, падающей в Саксагань, где и теперь стоят гигантские столетние дубы ⁶⁰. Наконец, к западной окраине вольностей запорожских казаков примыкали еще леса Черный и Чута (что с тюркского переводится как «земляные яблоки», иногда — вообще растения), о которых в 1748 году говорилось в «Истории о казаках запорожских» господина Мышецкого: «владело ли им войско запорожское прежде сего или нет, о том запорожские казаки не знают; а была в прежние годы от кошевого атамана Серка в оном лесу пасека, тому назад лет около 80»⁶¹; тут же были леса Нерубай и Круглик, «о котором также не было известно, владело ли им войско запорожское или нет»⁶². Черный лес и Чута некогда составляли один сплошной лес и служили продолжением знаменитого в истории гайдамаков Мотронинского леса, Киевской губернии, Чигиринского уезда; они пересекались лишь двумя речками — Ирклеєм, отделявшим киевское воеводство от «дикого ПОЛЯ», и Ингульцем, идущим от киевской

⁶⁰ Подробности о лесах в сочинении «Вольности казаков», 243–268.

⁶¹ Мышецкий. История о казаках запорожских, 74.

⁶² Там же, 74.

границы к правому берегу Днепра. Черный лес в настоящее время находится в 35 верстах от Елисаветграда, близ селения Водяного, Чута — близ Красноселья, Нерубай — близ Федваря⁶³, Круглик — около Цыбулева; взятые все вместе, эти четыре леса в настоящее время составляют 18 677 десятин густолиственного леса, состоящего главным образом из дуба, потом клена, береста, осины, орешника и др.⁶⁴; в нем водились волки, лисицы, зайцы, дикие кабаны, дикие козы, даже медведи и множество птиц разных видов и родов. В истории запорожских казаков леса Черный, Чута, Нерубай и Круглик играли ту важную роль, что в них часто скрывались запорожцы от преследования татар, турок и поляков; тут же находили себе пристанище православные монахи от притеснения католиков и страшные гайдамаки, поднимавшие оружие на защиту своих человеческих прав против ненавистных им поляков; гайдамаки особенно любили леса Черный и Чуту; у казаков XVIII века сложился насчет Черного леса даже особый термин — «сутик до Чорного лису» значило — сделался гайдамаком. Черный лес очень часто служил

⁶³ Список населенных мест; Херсонская губ. СПб., 1868, II, XXXVII.

⁶⁴ Яворницкий. Вольности запорожских казаков, 249.

местом, где собирались татары, казаки и поляки или как союзники, выступавшие против московских войск, или как противники, выходявшие на поле битвы между собой. Оттого неудивительно, почему народные предания говорят о существовании в этих лесах подземных погребов, о сокрытых в них скопищах кладов, о страшных голосах, слышимых по ночам между деревьями леса, о седых, усатых запорожцах, одетых в красное, как огонь, платье и, с трубками в зубах, сидящих над грудями золота, в глубокой думе в подземных пещерах леса и т. п.

Приводя к общему данные о лесах западной окраины вольностей запорожских казаков и исключая из этой окраины леса Черный и Чуту, видимо не принадлежавшие де-юре запорожским казакам, мы находим, что эта окраина не отличалась лесной растительностью и была по преимуществу степной. «Записки Одесского общества истории и древностей» повествуют: «От севера к устью реки Буга лесов довольных нет, только по балкам местами растут яблони, груши, шиповник, хмель, виноград, крысберсень, вишня, ивняк, осокорь, боярышник, гордина, а более всего — терновник, все редкими кустарниками»⁶⁵.

⁶⁵ Записки Одесского общества истории и древностей, VII, 186.

Соответственно правому ши́и леса и по левому берегу Днепра; здесь начало их у устья реки Орели, а конец — у Днепровского лимана; все это пространство земли заключало в себе около 6200 десятин леса, в одних местах шедшего сплошь, в других — с большими промежутками; сверх этого по левому берегу Днепра рос знаменитый Великий Луг, тянувшийся непрерывно на протяжении около 100 верст длины при 25 верстах наибольшей ширины, а ниже — его знаменитая Геродотова Гилея, тянувшаяся с большими перерывами, около 180 верст, до города Алешек. Как в Великом Луге, так и в Гилее росли громадные деревья с преобладанием дуба над другими породами деревьев; о величине деревьев здесь можно судить по тем окаменелым дубам, которые находятся теперь в Великом Луге. Дубы эти свидетельствуют, что настоящие днепровские леса — только ничтожная пародия на те исполинские леса, которые некогда своей могучей головой осеняли широкий Днепр.

По обоим берегам Днепра такие же леса росли по островам реки; всех островов на реке Днепре в пределах вольностей запорожских казаков считалось 265, и из них большинство покрыто было лесом — чаще всего лозой, шелюгом, реже осокорями и еще реже — дубами.

К северо-востоку и юго-востоку от левого

берега Днепра, в паланках Протовчанской, Орельской, Кальмиусской, Самарской, теперешних уездах Новомосковском, Павлоградском, Бахмутском и Александровском леса росли так же более по берегам рек, по склонам балок и байраков; в этой области самыми лесистыми местами были берега рек Орели и Самары. Орельские леса служили границей между вольностями запорожских и владениями украинских казаков. В пределах запорожских казаков они шли узкой полосой по левому берегу Орели (леса по правому берегу принадлежали гетманским казакам), начиная от впадения в нее речки Богатой и кончая устьем ее, что составляло на протяжении 142 верст около 5690 десятин леса; преобладающей породой в орельских лесах был дуб, достигавший здесь свыше шести аршин в окружности, до одного аршина с десятью вершками в диаметре; кроме дуба росли берест, ясень, клен, верба, дикие яблони и дикие груши. К востоку от орельских лесов, на расстоянии прямой линией около пятидесяти верст, по обоим берегам реки Самары, росли самарские леса; это — главная заповедная роща запорожских низовых казаков. Самарские леса тянулись на протяжении 182 верст при 20 верстах наибольшей ширины и по справедливости считались «знатными», «несходимыми» и «невидимыми» лесами, в своем роде «муромскими дებрями». «Река Самара, —

писал в 1637 году французский инженер Боплан в своем «Описании Украины», — замечательна чрезвычайным богатством в лесе, так что едва ли какое-либо место может сравниться в этом с окрестностями Самары»⁶⁶. В 1675 году, во время предполагавшегося похода на Крым московского ополчения, под предводительством князя Григория Ромодановского, и казацкого войска, под начальством гетмана Ивана Самойловича, решено было идти, как сказано в «Актах Южной и Западной России», «ниже посольской дороги на Самару для того, чтобы войску в водах и дровах утрудения не было»⁶⁷. В 1682 году московские послы Никита Зотов и Василий Тяпкин сообщали, что на всех вершинах рек Орели и Самары и в степях близ них «суть великие дубравы и леса, и терники, и тальники, и камыши»⁶⁸. В 1766 году очевидец секретарь Василий Чернявский писал, что из самарских лесов запорожские казаки не только строили все свои дома и зимовники, но в 1756 году,

⁶⁶ Боплан. Описание Украины. СПб., 1832, 18,19.

⁶⁷ Акты Южной и Западной России. Т. XII, 145, 155.

⁶⁸ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. II, отд. II, 573.

после бывшего в Сечи пожара, обратившего большую часть ее в пепел, все казацкие курени, купеческие и мастеровые дома сызнова построили и «всегда на согревание и на прочие свои потребности дрова употребляли»⁶⁹. Самарские леса состояли из деревьев самых разнообразных пород — ясеня, клена, липы, береста, груши, яблони, сосны, терновника, орешника, с преобладанием, однако, как и на Орели, дуба. Между деревьями леса, особенно вблизи речек, были обширные луга, сенокосы, озера, болота, покрытые высокими камышами и непроходимой травой; по лугам паслись дикие козы, кабаны, туры, в чем убеждают нас и в настоящее время находимые здесь туры рога. То, что сказано было о самарских лесах 250 лет тому назад Бопланом, — почти то же можно сказать о них и в настоящее время. Несмотря на варварское обращение местных владельцев с самарскими лесами, они все же поражают человека даже и в настоящее время и особенной высотой, и особенной толщиной своих деревьев: в них и теперь растут сосны, имеющие в обхвате 6, дубы — 9, а вербы — 10 аршин. Что же тут было в далеком прошлом? Об этом можно судить по тем окаменелым гигантским дубам, которые находятся

⁶⁹ История о казаках запорожских князя Мышецкого, 85.

в разных местах на дне русла реки Самары. Таких дубов можно видеть целую сеть, при понижении воды в реке, близ села Вольного. В настоящее время самарские леса тянутся на протяжении около 100 верст по обеим сторонам реки Самары, с некоторыми, однако, перерывами, начиная от того места, где Самара принимает в себя речку Волчью, на границе Новомосковского и Павлоградского уездов, и кончая выше местечка Игрени при устье ее.

К востоку от Самары шли небольшие леса по речкам Нижней Терсе, Соленой, Волчьей, Ганчулу, Янчулу, Мокрым Ядам, Бахмуту, Кальмиусу, Нальчику, по склонам Азовского моря и по некоторым степным оврагам и пустошам; из всех этих лесов самые большие были Дибривские на речке Волчьей, где считалось всего лесу до 425 десятин, с преобладанием дуба над другой лесной растительностью; потом Бахмутские, имевшие до 100 000 десятин протяжения, но едва ли, однако, принадлежавшие запорожским казакам, и, наконец, так называемый Леонтьевский буерак, у южной границы теперешнего Славяносербского уезда, некогда составлявший с соседними лесами земли войска Донского одну сплошную лесную дачу. Остальные леса все вместе составляли около 400 считанных десятин и большей частью были мелкой породы, «чагары и тальники».

Из общего обзора лесов в Запорожском крае следует прямой вывод — тот, что земли, доставшиеся запорожским казакам, носили характер не преимуществу степной: на пространстве степей длины в 425 верст и ширины в 275 верст или на 11 000 000 приблизительного счета десятин земли каких-нибудь 800 000 приблизительного счета десятин леса слишком недостаточно для того, чтобы давать целой стране характер лесного края⁷⁰. Впрочем, нельзя умолчать и о том, что во время запорожцев лесов было больше, нежели теперь, и в начале исторического существования казаков больше, чем в конце; причинами уменьшения количества лесного пространства были здесь чисто случайные явления: пожары и истребления татарами, поляками, русскими во время больших походов, местными обывателями во время построения городов, при существовании Запорожья — новосербами, славяносербскими и слободско-украинским войском, а после падения Запорожья — местными

⁷⁰ Количество десятин земли рассчитано по карте де Боксета 1751 г., а количество десятин леса взято по книге Д. И. Яворницкого «Вольности запорожских казаков»; вычисление производил профессор математики С. И. Шохор-Троцкий.

обывателями Новороссии. Причины истребления леса отчасти указаны были еще в прошлом столетии тем же Чернявским: «Оттого, что бор несколько крат горел, а наипаче от татарского в оном зимования и без разбору порубления, все знатные леса гораздо редки стали. Во всех тех местах — Самаре, Конке и Кальмиусе — леса крайне разорены не только огреванием от строгости зимы, кормлением скота, порубленными верхушками и ветвями дерев, употреблением на постройку для скота загородов и вывозом в свои аулы немалого числа лесу, не обходя и садовые деревья; но и насильным забранием при нескольких зимовниках заготовленных на строение колод, брусьев и досок, которые они в свои степные аулы, под прикрытием татар, привозили. Сии дикие и голодные народы около зимовников и на лугах выбивают травы и истравлиют сено, разоряют молодой лес, через всю зиму крадут и грабят все, что только могут... заготовленный к строению лес, не щадя и садовых деревьев. Один из мурз, прошедшей весной (1765 года), забрав найденный при некоторых зимовниках заготовленный на строение лес, на сорока возах, с пятьюдесятью вооруженными татарами сам до своих аулов проводил, отбивая казаков, в провозе препятствовать хотящих». Немало истребили леса новосербы, славяносербы и казаки

слободско-украинской линии, преимущественно с 1752 по 1769 год⁷¹, а также первые поселенцы Новороссии, после падения Сечи, при постройке разных городов — Елисаветграда, Бахмута, Екатеринослава, Херсона, Николаева, Одессы, Севастополя, Алешек, Никополя и др. Сами помещики, получившие после запорожцев земли в Новороссии, частью даром, частью за ничтожную плату казне, также много извели лесов или вследствие неправильного ведения хозяйства, или же — вследствие дробления больших лесных участков на малые, достававшиеся нескольким лицам сразу и вновь разделявшиеся ими на другие мелкие участки, и за ничтожностью их истреблявшиеся до основания⁷².

Относительно лесной флоры в стране вольностей запорожских казаков нужно сказать, что здесь росли почти все те породы деревьев, которые свойственны Северной Америке, что происходит, может быть, от сходства климата той и другой страны: суровая зима, палящее лето, ветреная и

⁷¹ Журнал Министерства внутренних дел, 1851, 35, с. 29, сец. 204.

⁷² Журнал государственных имуществ, 1855, февраль, 167, 169, 170.

непостоянная погода в запорожских землях обуславливали и произрастание известных видов древесной растительности здесь, из коих господствующими были: липа, клен, вяз, дуб, берест (малый вяз), граб, ясень, осоколь, верба, шелковица, яблоня, груша, вишня, дуля, калина, ива, ольха, береза, сосна, орешник, черноклен, серебристый тополь, боярышник, кизил, кожевненное дерево, желтинник, крушина, жостер, таволга (*sipirasa stenata*), бузина, лоза, явор (чинар, ложноклен, немецкий клен), барбарис, гордовое дерево и другие⁷³.

Находясь у Азовского и Черного морей, занимая положение с одной стороны между Турцией и Крымом, с другой — между Полыней, Украиной и Великороссией, земли запорожских казаков неминуемо должны были пропускать через себя главнейшие пути к означенным морям от названных стран и из центральных городов. Из этих путей одни шли по Днепру и его притокам, другие — по степи вдоль или поперек ее балок и оврагов; первые — речные пути, вторые — сухопутные.

⁷³ Мышецкий. История о казаках запорожских. Одесса, 1852, 18; Срединский. Материалы для флоры Новороссийского края. Одесса, 1872; Акинфиев. Растительность города Екатеринослава. Екатеринослав, 1889.

Главный речной путь начинался от верхних границ вольностей запорожских казаков, выше правого притока Днепра, Сухого Омельника, и левого, реки Орели, и оканчивался против устья правого же притока Днепра, реки Буга; это — часть того знаменитого пути «из варяг в Царьград», которым некогда ходили наши предки, еще будучи язычниками, в Византию с торговыми и завоевательными целями на своих однодревых ладьях или моносилах. Сухопутные пути составляли так называемые шляхи, то есть большие торговые или битые дороги, тянувшиеся вдоль и поперек запорожских земель и выходившие далеко за границу их. Из последних самыми известными были: Муравский шлях, шедший по водоразделу Днепровского и Азовско-Донского бассейна, и Черный, шедший по водоразделу между Бугом и Днепром, с их боковыми второстепенными ветвями.

Муравский шлях, получивший свое название, по более вероятному перед другими объяснению, от травы муравы⁷⁴, шел из глубины России, от Тулы, мимо Курска, Белгорода, в слободскую Украину, потом через Орель в Запорожье; в Запорожье через реку Самару, Волчьи Воды и Конку; ниже Конки выходил за пределы казацких вольностей и тянулся

⁷⁴ Яворницкий. Вольности запорожских казаков, 219.

до самого Перекопа⁷⁵. Муравский шлях у русских считался способнейшим, прямейшим, гладким и ровным путем из Руси к татарам; у казаков он именовался «ответным, бескрайным» шляхом; о нем запорожцы говорили: «лежить — гася простяглася, а як устане, то и небо достане». В пределах Запорожья он шел на протяжении более 200 верст и на этом пространстве пролегал по безлюдной и дикой степи, где, кроме небольшого жилища на Самаре, до XVIII века не было ни городов, ни сел, ни хуторов, ни заезжих дворов; зато по обеим сторонам его в обильное дождями лето росла такая густая высокая трава, что за ней не было видно ни человека, ни волов: как идет, бывало, чумак по шляху, то от него только и видно, что «высокая шапка та довгий батиг»; а кругом стоит, как море, седой усатый ковыль, низко нагибающийся то в одну, то в другую сторону от легкого дуновения степного ветерка; если свернет воз с дороги, то и не выпутает из густой травы своих колес. Немудрено поэтому, что путешественники, следовавшие из России через Запорожье в Крым или Татарию, останавливались на ночлег в открытой степи и под открытым небом,

⁷⁵ Подробности о Муравском шляхе см. в том же сочинении.

спускаясь или на склон какой-либо балки, или на берег какой-нибудь реки; неудивительно также и то благоразумное опасение, с которым путники шли по этому шляху: так, московские послы, Василий Тряпкин и Никита Зотов, шедшие в 1681 году в Крым, повернув от Сум к Муравскому шляху, взяли с собой для охраны 600 рейтар и украинских казаков ⁷⁶. К этим неудобствам движения по Муравскому шляху присоединялось еще и то, что путешественникам часто приходилось или идти в брод чрез встречавшиеся на пути речки, или же самим мостить гати и по ним переправляться с одного берега на другой. Муравский шлях был обыкновенной дорогой, по которой татары врывались в Украину: «А ходят из Крыма татаровя по сей левой стороне Днепра на Муравские шляхи, не переходя Днепра, украинские пороги». По Муравскому шляху не раз и запорожские казаки делали свои набеги на Крым⁷⁷. В XVII веке, после возведения городов в слободской Украине, татары уже старались избегать Муравского шляха: «Крымские люди Муравской и Изюмской соймой

⁷⁶ Записки Одесского общества старины и древностей. II, отд. II, III, 572–573.

⁷⁷ Акты Южной и Западной России, XI, 15; XII, 101, 102.

против крепостей не пойдут»⁷⁸, как говорится в «Актах Южной и Западной России».

Из боковых веток Муравского шляха известны были: Крымский, или Чумацкий, отделявшийся от Муравского у Волчьих Вод, шедший вдоль левого берега Днепра по-над Великим Лугом, потом поворачивавший от Днепра в степь и доходивший до города Перекопа; Изюмский, сходившийся с Муравским «у верха реки Орели», и Кальмиусский, сходившийся с Муравским у Конских Вод⁷⁹.

Черный Польский, или Шпаков шлях (у турок — Чорна Ислах)⁸⁰, получивший свое название от Черного леса, выходил из глубины Польши от Варшавы на Кознице, Пулавы, Маркушев, Люблин, Жолкеев, Львов, мимо Умани, на Тарговицу, через речку Синюху и отсюда в пределы вольностей запорожских казаков через речки Олыпанку, Кильтень, вдоль Малой Выси, на Великую Выську, над вершинами Костоватой и Бобринца, потом — водоразделом между Ташлыком и Мертвоводом до

⁷⁸ Там же, X, с. 414.

⁷⁹ Подробности в нашем труде «Вольности казаков», 225.

⁸⁰ Шермуа. Набег крымских татар на Польшу в 1653 г.

устья самого Ташлыка к Бугу, наконец, за Буг до шляха Керван-Иоль, то есть Караванной дороги.

Кроме Черного шляха по западной окраине вольностей запорожских казаков шли еще шляхи: Крюковский от Крюкова вдоль правого берега Днепра, мимо порогов, на Кичкас, потом на Крымский (Чумацкий) шлях. Крымский от Китай-города на Романково, вдоль речки Базавлука, потом через Базавлук с правого на левый берег его, до станции Степной, отсюда — через Днепр, его притоки Святую Горькую Воду, Белозерку, Рогачик и, наконец, в Татарию: это была «дорога, по которой купцы шли прямо в Крым». Переволочанский шлях от Переволочны на Саксагань, Базавлук, Солоную, в Новую Сечу и потом — с правого на левый берег Днепра до Крымского шляха. Микитинский от Мишурина Рога на Коржевы могилы, Базавлук, Солоную, Чертомлык, Микитино, через Днепр и на Крымский шлях. Кизыкерменский от Кременчуга на Желтое, Куричью Балку, Недайводы, водоразделом Саксагани и Ингульца, на Кривой Рог, вдоль Ингульца, через Давыдов Брод, в Кизыкермень, через Днепр и на Крымский шлях. Кроме того, между Микитинским и Кизыкерменским шляхами были еще Коржев и Саксаганский шляхи.

В юго-западной окраине вольностей запорожских казаков пролегали три шляха —

Гардовый, или Королевский, Сечевой-высший и Сечевой-низший. Гардовый шлях получил свое название от Гарда на Буге, он же носил название Королевского — как думают, оттого, что на нем польский король Ян Альбрехт в 1489 году одержал победу над татарами и турками⁸¹; он выходил из Подолии, шел через Буг по одному из каменных мостов, построенных Витовтом на этой реке⁸², потом входил в пределы вольностей запорожских казаков и тут тянулся на продолжении 300 верст, отличаясь замечательной прямизной, до устья речки Каменки, где была Каменская Сечь, и до турецкого города Кизыкерменя, а оттуда — к Гаванскому перевозу и далее в Крым⁸³. Сечевой-высший шлях также шел от Гарда на Белоновку и потом тянулся вверх до Сечи на речке Подпильной. Сечевой-низший шел параллельно высшему, так же от Буга на Балацково и до Сечи на

⁸¹ Федор Карлович Брун. Черноморье. Одесса, 1879, I, 156.

⁸² Список населенных мест; Херсонская губ. СПб., 1868, XXVIII.

⁸³ Яворницкий. Вольности запорожских казаков, 231.

Подпильной⁸⁴.

Между последними трактами по речкам Ингульцу, Саксагани и Ингулу до Балацкого разбросаны были запорожские зимовники, а ниже Балацкого не было никаких зимовников; только в летнее время, когда запорожцы садились вдоль Днепра и Буга до самых лиманов, для рыбных ловель и звериных гонов, только тогда здесь появлялись временные запорожские жилища; с турецкой же стороны по всем местам от Сечи до Гарда, между Днепром, Бугом и лиманом, вовсе не было никаких селений; на всем пространстве этих двух трактов и на далеком расстоянии от них была одна дикая степь; лесов тут почти не было, кроме леса на Громоклее, впадающей в Ингул выше Балацкого, где рос лесной байрак около мили в длину, да на реке Ингульце, около Балацкого, и у реки Буга, в виде малых терновников и чащ. Польские купцы шли в Гард через крепость Архангельск, Цыбулев и другие русские города и селения; из Гарда они продолжали путь или в Сечь, или в Очаков; в последнем случае купцы переправлялись через Буг выше Гарда около версты; в этом месте переправы стояла запорожская застава из 80 человек с особым полковником во

⁸⁴ Там же.

главе, без ведома которого никто не смел ни переезжать из земель запорожских казаков на турецкую сторону, ни из земель турецких на запорожскую сторону⁸⁵; для полной безопасности проезжавших по степям запорожских казаков пограничными полковниками давался особый знак, пернач, который путешественники обязаны были хранить во время их поездки и предъявлять по требованию запорожскому товариществу или кому-либо из его старшин.

Путешественники, купцы и торговцы, проезжавшие через земли запорожских казаков прямыми или боковыми шляхами, неминуемо встречались с большими или малыми реками и неминуемо должны были или переезжать их вброд, при незначительной воде, или переправляться на лодках, паромах и плотах, при значительной воде, особенно в реке Днепре; в последнем случае с проезжавших запорожцы взымали известную плату, составлявшую главнейший источник их войсковых доходов.

Из всех днепровских переправ и бродов историческую известность приобрели у запорожских казаков следующие 22: Кременчуцкий брод и Успенская переправа у Карменчика, и ниже его

⁸⁵ Яворницкий. Сборник материалов. СПб., 75.

Гербедееская; Мишуриногородская, против Мишурина-Рога, Романовская, против села Романкова; Будилово-Таволжанская, против порога Будиловского и заборы Таволжанской; Крарийская, или Кичкасская, получившая свое название или от армянского князя Кискаса II, после которого намехские армяне приходили в 1602 году в Киев на помощь русским против поляков ⁸⁶, или от тюркского корня «ког-ког» — «проходи», «иди прочь», в смысле пункта, откуда начиналась переправа ⁸⁷; Микитинская, или Каменно-Затонская, против Микитина Рога на правом берегу Днепра и Каменного Затона на левом; Белозерская, Рогачицкая и Каирская, против Белозерки, Рогачика и Каирки, левых притоков Днепра; Носоковская, против острова Носоковки; Каменная, против места бывшей Каменной Сечи; Таванская, называемая у турецкого историка Найимы переправой Диван-Гечиди, у острова Тавани и города Кизыкерменя; Дремайловская и Казацко-Каменная, близ устьев рек Дремайловки и Казацкой Каменки; Бургунская, против острова

⁸⁶ Глинка. Обозрение истории армянского народа. М., 1883, II, 290.

⁸⁷ Никольский. Южный Край. Харьков, январь 31, 1891 г.

Бургунки; Тягинская, близ устья речки Тягинки; Высший перевоз на две версты ниже впадения Ингульца в Днепр, в теперешней Перевизке, урочище села Фалеевки, имения Н. Н. Комстадиуса; Веревчина и Белозерская, близ впадения этих речек в Днепр⁸⁸.

Из бродов и переправ реки Буга известны были следующие девять переправ и бродов: Витовтов брод, ниже устья Синюхи; Мигийский перевоз, против Мигийского Ташлыка; Песчаный перевоз, на три версты выше Гарда; Гардовый перевоз, у самого Гарда; Кременецкий брод, на шесть верст ниже Гардового; Безыменный перевоз, на две версты ниже Кременецкого; Чартайский брод, против речки Чарталы; Овечий брод, на восемь верст ниже Чартайского; Соколанский перевоз, против селища Соколан. Выше Буга был брод Синюхин, через речку Синюху.

Кроме переправ и бродов через Днепр, Буг и Синюху были еще два «шляховых» брода через реку Ингул, несколько бродов через речки Мертвовод, Гарбузинку, Ингулец, где известны были Давыдов брод на 60 верст выше устья Ингульца, и Бекеневский, или Белый брод,

⁸⁸ Подробности о переправах в нашем труде «Вольности казаков», 231–241.

несколько ниже Давыдова; далее через речки — Каменку, Бешку, притоки Ингульца, реку Орель, где известен был Стешин брод на пути Мурайского шляха; через речку Волчью, Злодийский брод, и семь бродов через реку Самару: Песчаный, Калинов, Вольный, Гришкин, Кочереженский, Терновский и Чаплинский⁸⁹.

Глава 3. Производительность земли; флора, фауна и времена года Запорожского края

По силе и степени производительности край вольностей запорожских казаков может назваться в одно и то же время и изумительно богатым, и изумительно бедным; все зависело здесь не столько от речных и ключевых вод, сколько от атмосферной и дождевой влаги: в дождливое лето растительность здесь достигала невероятных размеров, урожай получался баснословный; в знойное и сухое лето растительность погибала, неурожай влек за собой страшные бедствия. Вот отчего у разных писателей так различно описывается край вольностей

⁸⁹ Подробности о бродах в нашем труде «Вольности казаков», 235–241.

запорожских казаков: по одним — это богатейшая и счастливейшая страна, по другим — это дикая, безводная, выжженная солнцем, лишенная всякой растительности пустыня. Даже у одного и того же писателя, только в различное время года, Запорожский край часто изображался совершенно различно.

Наиболее плодородные места были здесь по низменностям или по так называемым подам рек Днепра, Самары, Орели, Омельника, Самоткани, Домоткани и др.; наименее плодородные места были в Бугогардовской и Кальмиусской паланках, близ рек Буга и Кальмиуса. Отец истории, Геродот, живший в V веке до Р. Х., описывает страну скифов, часть которой впоследствии принадлежала запорожским казакам, в таких словах: «Земля у них ровная, изобилует травой и хорошо орошена; число протекающих через Скифию рек разве немного только меньше числа каналов в Египте. Четвертая река, Борисфенес (Днепр), по нашему мнению, самая богатая полезными продуктами не только между скифскими реками, но и между всеми вообще, кроме, впрочем, египетского Нила. Из прочих же рек Борисфенес наиболее прибыльная: он доставляет прекраснейшие и роскошнейшие пастбища для скота, превосходную рыбу в большом изобилии, вода на вкус очень приятна, чиста, тогда как рядом с ним текущие реки имеют мутную воду;

вдоль него тянутся превосходные пахотные поля или растет очень высокая трава в тех местах, где не засеивается хлеб; у устья реки сама собою собирается соль в огромном количестве; в Борисфенесе водятся огромные рыбы без позвоночного столба, называемые антокаями и идущие на соленье»⁹⁰. Гораздо позже Геродота, в XVI веке, современник запорожских казаков описывает богатство их страны в таких чертах: «В этой стране, приднепровских степях, трава растет чрезвычайно высоко и столь густо, что нет возможности ездить на колесах, потому что она впутывается между спиц и препятствует свободному их движению. В лесах и на деревьях множество пчел; в этой стране растет в изобилии, само по себе, особое растение наподобие винных лоз; туземцы считают его диким виноградом»⁹¹. В XVII веке, по словам Боплана, в реках и озерах Запорожского края, каковы: Пселский и Ворскальский Омельники, Самоткань, Домоткань, Орель, Самарь и др. — водилось множество рыбы и раков: в Орели в одну тоню рыбаки вытаскивали до

⁹⁰ Геродот в переводе Ф. Г. Мищенко. М., 1885, I, 320.

⁹¹ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I, 604.

2000 рыб, около фута наименьшей величины; в Самоткани и смежных с нею озерах водилось такое количество рыбы, что она от собственного множества умирала, портила воду и заражала воздух; в Домоткани водилось множество раков, иногда до 9 дюймов длиною, и особая, превкусная, рыба чилики; Самара изобиловала рыбой, медом, воском, дичиной и строевым лесом и за свое богатство прозвана святою рекою⁹²; окрестности Самары запорожские казаки называли обетованною Палестиной, раем Божиим на земле, а всю землю около реки — землей «дуже гарною, кветнучею и изобилующую», самый город Самарь — «истинно новым и богатым Иерусалимом»⁹³.

В конце того же века московские послы Никита Моисеевич Зотов и Василий Михайлович Тяпкин в том же роде описывают места по рекам Орели и Самаре: «Там зверя и птиц, и рыб множество... Вод и конских кормов, и рыб и птиц, также зверей, которых Господь Бог благословил людям в пищу, там довольно»⁹⁴.

⁹² Бошан. Описание Украины, 15–19.

⁹³ Феодосий. Самарский Пустынно-Николаевский мой. Екатер., 1873, 8.

⁹⁴ Записки Одесского общества истории и древностей, т. II,

В XVIII веке очевидец, участник Русско-турецких войн при императрице Анне Ивановне, Христофор Манштейн, изображает богатство запорожских степей в таких словах: «Земля та есть прекраснейшая в Европе; но великий ущерб, что не населена по причине недостатка леса и воды; ибо часто случается, что, идучи четыре или пять миль, не видно ни одного кусточка, ни самой малой речки, что и принуждает возить с собой всегда дрова и воду для варения пищи из стана в стан, по неизвестности найти их впереди; возить также большую бочку воды для каждой роты, чтобы давать пить ратникам во время похода. Бочки употребляются еще и на другое дело: в каждом полку должно иметь оных от восьми до десяти, и по стольку же толстых досок, из которых делали мосты для перехода пехоты и легких повозок, а военные помосты употребляли только для больших и тяжелых фур и конницы... Чтоб дать понятие о плодородии сих земель, довольно сказать, что травы растут там выше человека самого великорослого. Находится тут спаржа в великом множестве, и травоведцы находят также некоторый род особливой травы, которую турки и татары употребляют на делание своих светильников. В июле и августе месяцах татары выжигают траву на

степи; ибо как они не умеют косить и сушить сено, то травы сами собой высыхают от больших жаров, бывающих в июне, июле и августе, почему принуждены их жечь, без чего старая, сухая, заглушила бы совсем молодую. Татары часто также выжигают траву, чтоб лишить неприятелей конского корма; и ежели при таковых случаях не возьмут предосторожности от сего пожара, то весь стан подвергается опасности сгореть. Для избежания сего граф Миних отдал приказ, чтоб на каждой повозке иметь большое помело для тушения пожара. Надобно также взрывать землю шириною на два фута около стана рвом, и сим средством прекращать огонь от опасности дальнейшего распространения пожара. Всякой дичи, как то: зайцев, куропаток, тетерек, глухих тетеревей и прочей — в тамошних местах много; воинство ловят их руками множество, а кроме того, столько там перепелок, что каждый день похода можно иметь их сколько хотят»⁹⁵. В конце того же XVIII века о запорожских местах писалось в Москву: «Места имеют они — запорожские казаки — изобильные реками, лесами, и плодородную землю; пользуются великими доходами от скотоводства,

⁹⁵ Христофор Манштейн. Записки о России. М., 1823, I, 211–214.

рыбными ловлями в Днепре и приморских заливах, на устье реки Кальмиуса, Берды, и близ Очаковского лимана, и в оном по договору с турками за отпускаемые ими в Очаков лес и дрова»⁹⁶. В это же время точными донесениями о занятиях запорожских казаков сообщалось, что хлеб, засеваемый ими, давал урожай превосходный — рожь и пшеница в 9 и 10, просо в 80 и 40 раз против посеянного ⁹⁷. Уже после падения Запорожья официальные данные представляли богатство бывших земель запорожских вольностей в таких красках. Обратимся снова к уже знакомым нам «Запискам Одесского общества истории и древностей»: «Обширное пространство плодovitых и тучных земель, которые прежде бывшими запорожцами оставлены были в небрежении непонятном, возделывается; помещики, взявшие дикопоросшие дачи, обрабатывают оные прилежно и населяют людьми, да и казенные поселяне с довольным рачением трудятся в земледелии, ощущая, очевидно, труды свои сугубо

⁹⁶ Архив исторических сведений до России Калачева. СПб., 1861, 6.

⁹⁷ Записки Одесского общества истории и древностей, VII, 169, пр. 19; 185.

награждаемые. Качество земли производит всякого рода хлеб — рожь, пшеницу, ячмень, овес, гречиху, просо, лен, конопель и прочее; из огородных овощей арбузы отменно сладкие и крупные⁹⁸, красные и белые дыни, разные огурцы, земляные яблоки, чеснок, лук, свекла, петрушка и многие другие. В рассуждении пространных степных мест великое заведено скотоводство, лошадиные, рогатого скота и овечьи заводы суть главнейший предмет, зажиточнейший, к получению изрядного прибытка. Скотоводство здесь содержать тем удобнее, что скот, особливо рогатый и лошади, почти через целую зиму могут себе в поле сыскивать пастьбу. Воздух здесь благорастворенный; вода в реках и озерах сладка и здорова, к продовольствию жителей служащая; рыбы находится изобильно разного рода. В лесах хотя недостаток, однако, в отвращение оного выращиваются ныне и посевом и рассадкою разные деревья. Звери в лесах и степях водятся; дикие птицы в большом количестве»⁹⁹.

⁹⁸ В местечке Котовке, Екатеринославской губернии, Новомосковского уезда, автор настоящего труда видел в 1889 г. арбуз весом пуд и три фунта.

⁹⁹ Записки Одесского общества истории и древностей, III, 290, 291, 302.

Наконец, в начале XIX века о запорожских землях писал французский маркиз де Кастильно следующее: «Новороссия очень обширна, и между различными частями ее мы встречаем чувствительную разницу. Воздух здесь вообще превосходен, за исключением болотных мест... Различен воздух степей от воздуха берегов моря и Крымских гор. Степной воздух можно назвать самым чистым во всей Европе; холод зимою здесь бывает, без сомнения, очень чувствителен, но ветер не так порывист, как на берегах моря; нередко снег не выпадает несколько лет подряд, между тем как смежные страны на восток и на запад бывают им покрыты. Это непостоянно; но какая же точка земного шара не терпит изменений?.. Зимы в Новороссии сравнительно мягче, чем в Северной Франции; это не должно казаться странным. От Одессы до 60° широты — цепь гор, и когда северные ветры постоянно дуют, все на пути подвержено их влиянию, между тем другие ветры делают температуру Новороссии теплой, соответственно ее географическому положению. В этой, не защищенной от холода, стране зима бывает суровее, чем в более защищенных местностях, находящихся на одинаковой с ней широте... Весна начинается в апреле, и уже через 10–15 дней земля бывает покрыта зеленью. В это время года тысячи разнообразных цветов покрывают степь пестрым

ковром; чудное благоухание носится в воздухе, и путешественник мог бы прийти в полный восторг от всего окружающего, если бы его не удручала мысль о недостатке рабочих рук для этой роскошной почвы.

Вид степи меняется от большей или меньшей засухи: травы достигают здесь высоты 8 футов; на черноземе мне случалось их видеть даже 9 футов высоты. Благодаря глубине девственной земли, жирной, изобилующей питательными соками, сила растительности здесь необычайна. Густота травы предохраняет почву от жгучих лучей солнца, а росы бывают так обильны, что проникают в землю раньше, чем солнце успеет их высушить. При засухе травы редуют, но первый дождь заполняет новыми все те промежутки; таким образом животные постоянно снабжаются свежим кормом. Испарения больших трав несколько не вредны; при восходе и заходе солнца между холмами образуется туман, но деревни, расположенные в низменных местах, ничуть не страдают от этого.

Во время жары дует обыкновенно северный ветер, но он не умеряет жары, теряя свою свежесть при прохождении громадного пространства, накаленного солнцем; летняя долгота дней увеличивается по мере приближения к полюсу, почему можно заключить, что в Новороссии летом бывает жара сильнее, чем во всех других точках

земного шара, находящиеся на одинаковом градусе. Часто случается несколько дней подряд 17–20 градусов жары; но я никогда не видал, чтоб термометр поднимался выше 26 1/4 градуса, 25 градусов обыкновенно наивысшая температура. Изменения происходят всякую неделю. Один европеец сказал: «Жаркое солнце Новороссии — не наше. Действительно, здесь можно вполне безопасно предоставить себя всей силе солнечных лучей; работники, наиболее подвергающиеся действию их, не прекращают своих работ, каменщик распевает песни, беля стены, расположенные на юг и отражающие горячие лучи; каменотес засыпает в июле в часы отдыха, положив часто обнаженную голову на свою работу. И это происходит на одном градусе широты с Женевой, Маконе, Гере, Рошель, где улицы бывают пусты от 2–4 часов дня. В Одессе ветер препятствует иногда выходу на улицу, но солнце — никогда. Осень — самое лучшее время года в этих местах. Весна продолжается недолго; переход от холода к теплу совершается быстро; но прекрасная осень заменяет кратковременную весну: степь сохраняет зелень до декабря. Если осень не очень дождлива, земля так пересыхает, что плуг с трудом идет по ней: пашут шестью — восемью волами зараз... В других странах клочок бесплодной земли, обремененный налогами, отстаивается с оружием в руках,

призывается закон на помощь, из-за него ведутся в судах тяжбы, стоящие громадных издержек; здесь же превосходная почва предоставляется или совсем даром, или на легких условиях трудолюбивым людям, могущим обогатиться почти без всяких усилий: стоит только пожелать этого. Земля чрезвычайно плодородна; правда, она лишена леса, исключая северной части Екатеринославской губернии и южной — Крыма. Но в безлесных частях Новороссии жители употребляют вместо топлива высокие сухие травы, называемые бурьяном, и высушенный на солнце коровий и овечий навоз, — все это дает прекрасное и дешевое топливо»¹⁰⁰.

Неудивительно, после всех приведенных описаний, почему в воспоминаниях теперешних стариков страна вольностей запорожских казаков представляется такою богатой и цветущей страной; конечно, в этих воспоминаниях немало и преувеличений, объясняющихся свойствами человеческой природы все прошлое представлять в лучшем виде, чем настоящее; но все же в общем они имеют большую долю правды, особенно если взять во внимание сходство рассказов стариков с

¹⁰⁰ Essai sur Phistoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, 3-e vol., Paris, 1820, par le Marquis de Castelnau и др.

описаниями очевидцев прошлых веков и сходство повествований, записанных в разных, отдаленных один от другого, концах бывших вольностей запорожских.

«Приволье у них такое было, — говорит 116-летний старик Иван Игнатьевич Россолода, — что теперь подобного не сыщешь ни близко, ни далеко. Да что теперь? Теперь так, что волен, да недоволен, а тогда было так, что и волен, и всем доволен. Недаром же говорят, как жили мы за царицей, ели паляницы, а как стали за царя, то не стало и сухаря. Теперь, если сказать, как оно когда-то было, так и не поверят. Тогда всякие цветы цвели, тогда великие травы росли. Вот тут, где теперь у нас церковь¹⁰¹, здесь была такая высокая тирса, как вот эта палка, что у меня в руках: как глянешь, так точно рожь стоит; а камыш рос, как лес: издалека так и белеет, так и лоснится на солнце. А что уже до пырьёв, ковыля, муравы, орошка, кураев и бурунчуков, то как войдешь в них, так только небо да земля и видны — в этих травах дети теряются, бывало. Вот она поднимется вверх, вырастет да снова и падает на землю, да так и лежит, как волна морская, а поверх ее уже и

101 В селе Чернышовке, или Красногригорьевке, Екатеринославского уезда.

другая растет; как запалишь ее огнем, так она недели три, а то и четыре горит. Пойдешь косить, косою травы не отвернешь; погонишь пасти лошадей, за травой и не увидишь их; загонишь волов в траву, только рога мреют. Выпадет ли снег, настанет ли зима, никакой нужды нет: хоть какой будет снег, а травы надолго не закроет. Пустишь себе коней, коров, овец, то они так пустопаш и пасутся, только около отар и ходили чабанцы; а как загонишь овец в траву, то они меж ней точно муравьи, — только вечером и увидишь; зато уже тогда около них работы — тирсу выбирать, которая поналезет им в волну!.. А что уж меж той травой да разными ягодами, то и говорить нечего: вот это было — как выйдешь в степь да как разгорнишь траву, то так и бери руками клубнику. Этой погани, что теперь поразвелась, овражков да гусеницы, тогда и не слышно было. Вот какие травы были! А пчелы той, а меду? Мед и в пасеках, мед и в зимовниках, мед и в бурдюгах — так и стоит в липовых кадках: сколько хочешь, столько и бери, — больше всего от диких пчел; дикая пчела везде сидит: и на камышах, и на вербах; где буркун, в буркуне, где трава, в траве; за ней и прохода не было: вырубывают, бывало, дупла, где она сидит. А леса того? Бузины, сведины, вербы, дуба, груш — множество. Груш, как понападает с веток, так хоть бери грабли да горни в валки: так и лежат на

солнце, пока не попекутся. Сады когда цветут, то как будто сукном покрываются; так патока с них и течет. А толщина деревьев? Вербы — так, ей-богу, десять аршин в обхвате... Земля свежее была, никто ее не насиловал так, как теперь, снега лежали большие, и воду пускали великую, оттого и дерево росло хорошо. А зверей, а птиц? Волки, лисицы, барсуки, дикие козы, чокалки¹⁰², виднихи — так один за другим и бежать, так и пластают по степи.

Волков такая сила была, что их киями избивали, а из кожи сапоги да кожанки делали. А ежей тех, ежей?.. И говорить нечего! Были и дикие свиньи, такие жирные да здоровые; они больше по плавням шныряли. Вот это как увидишь в плавне какую-нибудь свинью, то скорее бросайся на дерево, а то — хрю-хрю, чмак-чмак! да до тебя, да так рылом и прет! Выставит морду вперед да и слушает, не идет ли кто; как увидит человека, сейчас же до него, товкыц рылом! Свалит с ног, тогда и давай рвать... Были и дикие лошади; они ходили целыми табунами — косяка по три, по четыре, так и ходят... А что уж птицы было, так Боже великий! Уток, лебедей, дрохв, хохотвы, диких гусей, диких голубей, лелек, журавлей,

102 «Тот же волк, только злее волка» — замечание рассказчика.

тетерок, куропаток — так хо-хо-хо! Да все плодющие такие! Одна куропатка выводила шгук двадцать пять птенцов в месяц, а журавли как понаведут детей, то только ходят да крюкают. Стрепетов сельцами ловили, дрохв волоками таскали, а тетеревей, когда настанет гололедица, дрюками били. И какая ж сила той птицы была? Как поднимется с земли, солнце застелет, а как сядет на дерево, веток не видно — один ком висит, а как спустится на землю, то земля, точно пол в хате, так и зачернеет. Лебеди, бывало, как заведутся биться между собой, то поднимут такой крик, что батько выскочит из бурдюга да давай стрелять из ружья, чтоб поразгонять их, а они как подхватятся вверх, то только порось-порось-порось!.. Теперь нет и того множества рыбы, что была когда-то. Вот эта рыба, что теперь ловят, так и за рыбу тогда не считалась. Тогда все чичуги, пистрюги, коропы до осетры за все отвечали; в одну тоню ее столько вытаскивали, что на весь курень хватало. Да все тогда не так было; тогда и зимы теплее были, нежели теперь, — это уже кацапы своими лаптями понаносили нам холода, а в то время его не особенно было слышно. Оттого тогда и сена мало кто запасал, разве только на то время, когда думали идти в поход, для верховых лошадей. Тогда и урожаи лучше были — хоть и сеяли немного, а родило достаточно: как четыре мешка посеет, так триста копен нажнет, —

нужно было одних жнецов восемь человек, чтобы снять все то до Покрова. Батюшка мой, и где оно все-то подевалось? И очам своим не верю! Вот тут, где теперь стоит наша Чернышовка, тут ни одной хаты не было, чудно только отцовское приволье, а теперь где тот и народ набрался и когда все то позавожил? Теперь и вода перемерена, и земля перерезана, а что до леса, то и говорить нечего: что на сани, что на полудробки, что на олейницы, что то на то, то на сё, да так все и повырубили. Где пряменькое, хорошее да крепкое деревцо, то его сейчас же и истребят. А тут как пошел еще по лесу рогатый скот, то и пней не осталось, и что уцелело, то само позасыхало и попропадало. Да и сам скот ходит точно неживой. Как вырубили леса, пошла на села мошка; за ней теперь и света Божьего не видно, а бедному скоту и отдыха нет; весь облитый кровью так и ходит. Теперь дайте вы вот этой свинье, что ходит, кусок хлеба, то она издохнет от него. А отчего? Оттого, что не привыкла есть!.. Да все теперь перевелось: гадюк меньше стало — повыгорали; в болотах и жаб не слышно — повыздыхали; да и болота теперь есть ли?»¹⁰³

«Когда-то тут, — повествует другой старик,

¹⁰³ Яворницкий. Запорожье в остатках старины. СПб., 1888, II, 6–9.

Семен Герасименко, о своем Херсонском уезде около Берислава, — по плавням да по скалам, было столько волков, лисиц, зайцев да диких свиней, что за ними и не пройдешь. Дикие кабаны были пудов в десять, а то и больше весом; едва шесть человек на сани положат. Тут было такое множество зверей, что из города присылали верховых, человек сорок или пятьдесят, чтобы разгонять их. Так где тебе? За ними гоняются по степи, а они — в плавни бежать. Ездили с ружьями да с саблями на плавнях и все жгли камыши; так уже тогда немного напугали их, а то просто страшно и выйти. Рыба так та, сердечная, даже задыхалась от множества, а раков шганами ловили. А что до птицы, то и говорить нечего. Как пойдешь на охоту, то домой несешь ее как будто на коромысле. Стрепета, отари, лебеди так пешком по степи и ходят. Травы высокие-превысокие росли, по самую грудь, а то и выше; а роса по траве точно вода: если хочешь идти по степи, то прежде всего скинь шганы да подбери сорочку, а то как намокнут, то и не дотянешь. Как идешь по траве в постолах, то вода только чвырк-чвырк! Лес рос густой да высокий: груш, калины, дикого винограду — не пролезешь. Ночью страшно было и ходить. А урожаи были такие, о которых теперь и не слышно. Да и дешевизна в то время какая была: пуд проса — десять копеек, пуд пшеницы — сорок копеек, да и то еще дорого».

«Тут тех зверей, тут тех птиц, — рассказывает третий старик, Евдоким Косяк из Александровского уезда Екатеринославской губернии, — так видимо-невидимо было: так пешком по степи и ходят. Приехали мы со своею панею в эти места, где теперь Наковальня — она отошла ей по наследству, — приехали мы да и смотрим, а тут ни хатки, ни куреньца, одна степь да ковыль. Что тут делать? «А что делать? Руби камыш, копай дерн да делай курень». Давай я рубить камыш, давай копать дерн. Нарубил, поставил, обсыпал землей; вот хижина и готова. Ну что ж теперь есть? А есть уж — что хочешь, то и ешь: есть и птица, есть и зверь степной. «Да что мне, говорит паня, та птица да зверь степной? Ты поезжай да поймай дикого поросенка!» Ну что ж, поросенка так поросенка! Сажусь на коня, беру в руки длинный кнут и еду к речке, где была берлога диких свиней. Вот приеду и жду, пока свиньи пойдут пастись в степь, а поросята останутся одни; высмотрю и сейчас же туда; схвачу поросенка да и уходить; да уж бегу, да уж бегу, сколько есть духу, а оно кричит, как бешеное. И что ж вы думаете? Как почуют гаспидовы свиньи, так и лезут, так и лезут под ноги коню; да так бегут до самого куреня, и если бы не длинный кнут, то и разорвали бы. Вот как оно было в старину! Совсем не так, как теперь! Теперь хоть бы и насчет урожая. Разве в старину он такой

бывал? Куды вам! У нашей пани было семь человек семейства, а она больше тридцати сажень никогда не сеяла. Вот это бывало — заволочет прямо против куреня, посеет пшеницу и ждет. Так она как уродит, то и стебля не видно: один колос почти, да такой толстый, точно веретено. Это такие хлеба были, а травы — так и говорить нечего. За травой и земли не видно: лежит поверх земли, точно шуба или рядно. Тогда, видишь, мало кто косил ее, так она поднимется вверх да снова и упадет, да так и лежит, точно рядно; а росла такая, что человека верхом на лошади не видно»¹⁰⁴.

Таким образом, большие богатства достались запорожским казакам. Прекрасные пастбища для скота, бесконечные нетри для птиц, необозримые степи для зверей, глубокие лиманы и многочисленные озера для рыб делали Запорожский край привлекательным, а самое житье в нем — привольным и заманчивым:

Вдоволь всего было там:
И зверя прыскучего, и птицы летучей,
И рыбы плавучей:
Вдоволь было там

¹⁰⁴ Яворницкий. Запорожье в остатках старины, II, 122, 206.

И травушки-муравушки,
Добрым коням на потравушку.

Плодородие земли запорожских казаков, конечно, много зависело прежде всего от самой почвы ее: в северной части земля запорожских вольностей состояла из сочного чернозема от 4 вершков до 1 1/2 аршина, в низменностях — от 2 до 8 аршин глубины, ежегодно удобрявшегося густой и высокой травой, быстро созревавшей и тут же, на месте падавшей ¹⁰⁵ : в южной и особенно в восточной части земля запорожских казаков состояла из незначительного слоя чернозема с подпочвой песчаной, глинисто-солонцеватой, кроме пологих мест близ речных долин и балок, где почва считалась достаточно доброкачественной. «Записки Одесского общества истории и древностей» вновь повествуют: «Земля в этом округе — южной окраине запорожских вольностей, — исключая близ рек песчаных кос, кучугуров и каменных берегов, вообще черна и сверху на два фута и глубже влажна, а ниже двух футов глиниста, желтовата, и вся способна к плодородию; только на высоких горах от жаров трава скоро высыхает, отчего там и

¹⁰⁵ См. между прочим Штукенберга «Статистические труды». СПб., 1858, 44.

хлебопашеством заниматься нельзя, остаются годными для земледелия одни балки, пологие места и низменности близ балок при реках; чтобы получить траву на тех горах, надо ее каждую осень выжигать особенно старательно»¹⁰⁶. Земля в восточной окраине запорожских вольностей, паланке Кальмиусской, состоит из черноземного слоя от 12 вершков до 2 аршин, а у самого Азовского побережья — до 4 аршин глубины; впрочем, эта окраина запорожских вольностей, особенно южная часть ее, от крепости Св. Димитрия и до крепости Петровской¹⁰⁷, по справедливости считалась сравнительно менее плодородной, чем другие: почва здесь только в некоторых местах черноземна, в общем же камениста и наполнена различными минералами. Это — желто-серая щелочная глина, известняк, каменный уголь, железная руда, порфир, графит, коалин, окаменелые пальмы и папоротники, что в своем роде хотя и составляло богатство, но этим богатством запорожцы не умели, да и не могли пользоваться, считая его, напротив того, вредным

¹⁰⁶ Записки Одесского общества истории и древностей, VII, 185.

¹⁰⁷ Там же, XI, 224.

для себя, мешавшим произрастанию трав¹⁰⁸.

Из зверей в запорожских степях водились волки, лисицы, зайцы, дикие кошки, олени, лани¹⁰⁹, сурки, «необыкновенной величины» дикие кабаны, медведи, лоси; сайги, барсуки, горностаи¹¹⁰, хорьки, речные бобры и куницы, до сих пор еще попадающиеся в самарских лесах¹¹¹; первобытные туры, водившиеся в Литве и Польше до XVI века¹¹², от которых и теперь еще находят близ самарских лесов разной величины рога; наконец, выдры, сугаки и дикие кони. Выдра, по-татарски каборга, по-запорожски видниха —

108 Александрович. Обзор Мариупольского уезда, Мариуполь, 1884, 224.

109 Об оленях упоминает Гюльденштедт во второй пол. XVIII в.

110 Экономические примечания к Верхнеднепровскому уезду, Екатеринославской губернии, № 1, с. 1.

111 Екатеринославские губернские ведомости, 1889, № 36, 1840, № 14. неоф.

112 Труды VI археол. съезда. К истории домашних животных, 26–28.

зверь речной, во множестве водившийся преимущественно в водах Великого Луга; с виду они похожи на кошку, но гораздо толще и длиннее; ноги у них короткие, при конце широкие и, как у гусей, с перепонками; хвост чрезвычайно длинен и пушист; шерсть у молодых серая, у старых — черноватая, всегда пушистая, лоснящаяся и как бы бросающая от себя искры¹¹³. Сугаки, то есть особой породы дикие козы, водились в самарских лесах, у днепровских порогов и в Великом Лугу; это животное высокое, тощее, быстрое и тонконогое, с двумя белыми лоснящимися рогами, с шерстью мягкой, нежной и, подобно атласу, гладкой во время линяния и несколько грубоватой, каштанового цвета в обыкновенное время; оно не имеет носовой кости и взамен того имеет длинную переднюю губу, которая мешает ему есть и заставляет его щипать траву, постоянно пятясь назад; мясо его на вкус не уступает козлятине¹¹⁴.

Дикие кони, или так называемые тарпаны,

113 Устное повествование Коржа. Одесса, 1842; Яворницкий. Запорожье, II, 122.

114 Боплан. Указ, соч.; Записки Одесского общества истории и древностей, VI, 605; Список населенных мест; Херсонская губерния, 1868, II, XXXVII.

также были обыкновенным животным в степях запорожских казаков. «Они, — говорит очевидец Боплан, — ходили табунами от 50 до 60 голов и нередко заставляли нас братья за оружие: издали мы принимали их за татарскую конницу. Впрочем, дикие лошади не способны ни к какой работе, и хотя жеребята могут сделаться ручными, но также ни к чему не годны, разве только для пищи; мясо их чрезвычайно вкусно и даже нежнее телятины; впрочем, на мой вкус не так приятно. Дикую лошадь усмирить невозможно. Впрочем, дикие кони разбиты на ноги; копыта их разрастаются, делаются толстыми — ибо их никто не обрезывает — и не позволяют лошади быстро скакать»¹¹⁵. В XVIII веке множество диких лошадей водилось в местности по левой стороне реки Ингула¹¹⁶. Видевший их в это время, хотя гораздо выше новороссийских степей, русский академик Самуил Гмелин описывает их так: «Самые большие дикие лошади величиной едва могут равняться с самыми малыми домашними лошадьми. Голова у них, в рассуждении прочих частей тела, чрезвычайно толста, уши весьма остры и бывают такой же

¹¹⁵ Боплан. Указ, соч., 93.

¹¹⁶ Записки Одесского общества истории и древностей, VII, 187.

величины, как у домашних лошадей, или долги почти как у осла и опущены вниз, глаза у них огненные; грива весьма коротка и курчава; хвост у иных густ, у иных редок, однако всегда короче, нежели у домашних лошадей. Цветом похожи на мышей, и сей признак примечен на всех находящихся в сих местах диких лошадях, хотя, впрочем, писатели упоминают только о белых и пепелистых. Однако цвет на брюхе у многих сходствует с пепелистым, а ноги, начиная от колена до копыта, черны. Шерсть на них весьма долга и столь густа, что при осязании более походит на мех, нежели на лошадиную шерсть. Они бегают с несказанною скоростью, по крайней мере вдвое против домашней доброй лошади. При малейшем шуме приходят в страх и убегают. Каждое стадо имеет предводителя, жеребца, который идет вперед, а другие ему следуют. Дикий жеребец весьма падок до домашних кобыл, и если он может успеть в своих намерениях, то, конечно, не упустит случая и уведет их с собою, причем иногда загрызет противника, то есть домашнего жеребца. Ловящиеся всегда тенетами, дикие лошади с великим трудом бегают и по большей части спустя год по потере свободы умирают»¹¹⁷.

¹¹⁷ Путешествие от Петербурга до Черкас. СПб., 1771, I, 71.

Еще такое описание: «Дикие лошади из себя небольшие, но довольно толстые и очень крепкие, на масть мышастые. Мой отец и ловил их, так что же? Они или убегут, или подохнут, потому что не могут жить в неволе — по степи им бегать, это так. Вот это, бывало, едет по шляху человек на кобыле, а дикие лошади пасутся. Сейчас же дикий жеребец выскочит и нюхает, чем тот человек едет — кобылою или конем. Как почует, что кобыла, так и пиши, человек, что пропал: побьет оглобли, поломает воз и захватит с собой кобылу. И сколько по той дороге колес, ободьев, оглобель да драбин от возов валялось: то все шкода диких жеребцов»¹¹⁸. Господин Иосиф Шатилов в своем «Сообщении о тарпанах» дает описание дикого коня, пойманного в 60-х годах в Новороссии, чем-то схожее, но чем-то и отличающееся от цитированных выше: «Рост 1 аршин и 14 вершков; шерсть мышастая, грива и хвост черные, густые; глаза выпуклые, большие, горящие огнем; по всей спине, от гривы к хвосту, черная полоса; голова несколько увеличенная, ноздри расширенные, плотное, на крепких ногах, телосложение. Он держит себя гордо и на свободе и под верхом, скоро бежит рысью в запряжке и шибко скачет в галоп под верхом; вынослив в езде

¹¹⁸ Яворницкий. Запорожье в остатках старины, II, 217.

и добронравен в упряжке... не теряет тела как в конюшне, так и в табуне, всегда полный и круглый, бодрый и игривый»¹¹⁹. В последний раз видели косяк диких лошадей, числом шесть голов, в 1866 году, в вековых тирсах Херсонской губернии, в Заградовской степи князя Кочубея¹²⁰. В настоящее время дикие лошади продолжают существовать в Средней Азии¹²¹.

Из птиц в степях вольностей запорожских казаков водились: бабы, как пишет все тот же Боплан, «с такими огромными шеями, что они могут в своих зобах, как будто в садке, держать живую рыбу и доставлять ее оттуда себе в пищу»¹²²; лебеди, гуси, утки, дрофы, стрепеты, колпицы, бакланы, журавли, аисты, цапли, тетерева, куропатки, коростели, скворцы, голуби, орлы, соколы, ястребы, чайки, соловьи, стрижи, галки, сороки, вороны, чижи, щеглы, кулики,

¹¹⁹ Иосиф Шатилов. Сообщение о тарпанах. М., 1884, 5.

¹²⁰ Иосиф Шатилов. Сообщение о тарпанах, 5.

¹²¹ Труды шестого археологического съезда. М., 26–28.

¹²² Боплан. Указ, соч., 43.

жаворонки, подорожники и другие более простые птицы; из домашних птиц петухов было больше, чем кур, потому что петухи пением своим заменяли казакам часы¹²³. Большинство из названных зверей и птиц служили предметом охоты для запорожцев и составляли некоторый источник частного и войскового дохода.

Из рыб в реках, озерах и лиманах вольностей запорожских казаков известны были: белуга, иногда до трех сажен длины; осетры, севрюга, стерлядь, сомы, сазаны, иначе коропы, судаки, или сула, окуни, щука, тарань, скумбрия, вырезуб, рыбец, бычки, камбала, иначе полурыбица, язи, чилики, марена, лещи, сельди, белизна, сабли, плотва, караси, раки и проч. Для рыбной ловли запорожские казаки располагались зимой в особых заводах, летом — во временных тростниковых шалашах, по берегам рек, озер и лиманов.

Из насекомых известны были в степях вольностей запорожских казаков: пчелы, особенно много разводимые казаками, сверчки, муравьи, тараканы, пауки и другие; из пресмыкающихся —

¹²³ Мышецкий. Указ, соч.; Записки Одесского общества истории и древностей, VII, 187; Экономические примечания к Верхнеднепровскому уезду, Екатеринославской губернии, № 1, в Екатерин, губернской чертежной.

гадюки, ужи, желтопузики, то есть желтобрюхи и прочие¹²⁴.

Из произведений растительного царства известны были: виноград, яблоки, груши, вишни, терн, калина, барбарис, ежевика, дикий чай, шалфей, персики, водяные орехи, капуста, цикорий, горчица, спаржа, дикая морковь, хрен, пастернак, артишоки, которых особенное множество росло по Бугу, около Гарда между скал¹²⁵, пырей, ковыль, катран, бурьян, богородичная трава, чебер, бедринец, дягельник, чернобыльник, дикий лук, щавель, везил, пижма, лобода, репейник, крапива, полынь, лопух, тюльпан, васильки, мята, ромашка, гвоздика, капуста заячья, вязник, бронколь и другие; кроме того, по берегам рек, озер, лиманов и болот рос очерет, или камыш; из грибов известны были шампиньоны.

Представленные в таком привлекательном и заманчивом виде у одних писателей, вольности запорожских казаков изображаются в совершенно противоположном характере у других. Многие, покидая свою родину где-нибудь на Украине, в

¹²⁴ Записки Одесского общества истории и древностей, VII, 187.

¹²⁵ Там же, 170–187.

Польше и России, убегая за пороги и рассчитывая там на получение богатой добычи, напротив того, нередко возвращались назад, потеряв даже то, что несли с собой. Оттого и поется в казацких песнях:

Днипре брате, чим ты славен,
Чим ты красен, чим ты ясен —
Чи крутými берегами,
А чи жовтými писками,
А чи жовтými писками,
Чи своїми казаками.
Ой я славен бурлаками,
Низовými казаками,
На Ныз идут — гроши несут,
А з Нызу идуть, тай воши бьют.
По-ид лавью рыбу плавлють,
Пид прыпичком горшки ставлють.
На пич добро выгружають.

Как пишет в журнале «Вестник Европы» господин Кулиш: «Рассказ Папроцкого выразительными чертами рисует местность, где гнезилось казачество. Становится понятным, почему она называлась «дикими полями», безлюдной пустыней, не принадлежащей никому из соседних народов. Это были пространства бесплодные, опустошаемые саранчой, удаленные от поселений настолько, что человек рисковал умереть

голодной смертью во время переходов. Некоторые только места изобиловали рыбой и дичью, да на больших расстояниях были разбросаны оазисы богатой растительности для пастьбы скота. Удалиться за пороги значило подвергнуть себя многим лишениям, которые мог выдержать только человек с железной натурой. Чтобы войско могло стоять в этой пустыне кошем, отряды его должны были заниматься охотой и рыболовством. Даже добывание соли сопряжено было с далекими переездами и опасностями, и потому казаки вялили рыбу, натирая ее древесной золой вместо соли. «Казак-сиромаха» было давнишней народной поговоркой на Украине, где сиромахой обыкновенно называется волк в смысле голодного скитальца. Казак и убожество, казак и нужда — эти два понятия всегда имели близкое родство. Вспомним распространенное по Украине изображение запорожца с надписью:

Казак — душа правдива,
Сорочки не мае¹²⁶.

Особенно страшны были запорожские степи людям, не свыкшимся с ними, не знавшим всех

¹²⁶ Кулиш. Вестник Европы. 1874. IV, 530.

свойств и условий степной жизни. Как пишет господин Русов в своих «Русских трактатах»: «Гетман Самойлович во время переговоров с дьяком Украинцевым о союзе с Польшей против Крыма, в 1679 году, советовал царю не нарушать мира с крымцами, надеясь на Польшу, ибо, по его словам, поляки, при всем своем желании быть верными царю, как только попадут в степь и испытают ее прелести, то не выдержат, изменят и перейдут на сторону хана, лишь бы не вести войны там, где могли ее переносить только свыкшиеся с ней сыны степей, казаки»¹²⁷. Выражаясь так, гетман Самойлович разумел крымские степи, но совершенно то же нужно сказать и о степях запорожских. Боплан, живший в XVII веке на Запорожье, отмечает главные недостатки запорожских степей — недостаток соли и воды¹²⁸; и точно, в запорожских степях редко можно было встретить пресную воду, большей частью там была вода горькая и соленая. Манштейн, бывший в Запорожье в начале XVIII века, считает бедствиями степей отсутствие подножного корма в осеннее время, холодные ночи и несносные стужи среди

¹²⁷ Русов. Русские трактаты. Киев, 1876, 72.

¹²⁸ Боплан. Указ, соч., 94, 95.

лета, страшную пустынность края, отсутствие воды и леса для топлива¹²⁹. У польских писателей прошлых веков вся земля запорожских казаков характерно называлась «Диким полем», иногда «Чистополем», «Пустополем». Тем же именем называются запорожские степи и у германского посланника Эриха Ласоты; последний дает название «Дикого поля» северо-западной окраине запорожских вольностей от реки Суры, правого притока Днепра, на север и на юг. На карте XVII века *Typus generalis Ukraine* «Диким полем — *campus desertus et inhabitatus*» — называется все пространство степей от левого берега Ингульца до реки Днепра. Малороссийские летописцы, польские писатели и западно европейские путешественники прибавляют к названным недостаткам степей Запорожского края страшный зной летом, невыносимый холод и лютую стужу, вследствие открытой, ничем не защищенной местности зимой; жестокие ветры, повальные болезни, всеобщий мор, часто посещавшие Запорожский край, саранча, комары, мошка, черви и хищные волки, свирепствовавшие в открытых степях и своим диким воем наводившие ужас на постоянных жителей и случайных путешественников — все это

¹²⁹ Записки о России. М., 1823, I, 140, 210.

делало едва доступным для обитания край запорожских казаков. Многие из названных бедствий — засуха, повальные болезни, мор, саранча — повторялись нередко из года в год и были истинным бичом для низовых обитателей. Иногда, происходя даже где-нибудь на Украине, эти бедствия чувствительно отзывались и в Запорожье, как, например, в 1637, 1638, 1645–1650, 1677, 1686, 1710, 1748 и 1749 годах.

В 1575 году лето в запорожских степях было настолько жаркое, что от страшного зноя трава в степи повыгорела и вода в реках высохла; осенью, в сентябре и октябре месяцах, во многих местах через Днепр даже овцы переходили вброд, а на днепровском Низу, у Микитина перевоза и речки Чертомлыка, высохли все плавни, так что татары свободно переправлялись с левого на правый берег Днепра и свободно нападали на становища запорожских казаков¹³⁰. В 1583 году в степях запорожских свирепствовала саранча; Самуил Зборовский, владелец города Злочева, Львовского уезда, шедший в это время с отрядом польской шляхты по Днепру для соединения с запорожскими казаками с целью предпринять общий поход против

130 Феодосий. Исторический обзор церкви.
Екатеринослав, 1876.

московского царя Ивана Грозного, встретил ниже острова Хортицы на Днепре тучу саранчи, от которой у него пало до 300 лошадей и много поухло людей¹³¹. В 1637 году на Украине был страшный неурожай; весной этого года три месяца не было дождя; рожь рвали с корнем и за диво было видеть хоть один сжатый сноп, в Петровку жито продавалось по 20, даже 24 злотых, просо и гречиха по 12, овес по 8 злотых; трудно было человеку дожить до новины; тогда исполнилось пророчество Исаии, что кто сто мер посеял, тот едва одну взял¹³². В 1638 году также был недород; вообще этот год был тугой на Украине: посеянный хлеб съел червь, оттого озими было очень мало, и если бы не яровой хлеб, гречка и просо, то люди поумирали бы от голода¹³³. В 1645 и 1646 годах подряд Украину страшно опустошала саранча, причинившая народу неисчислимые бедствия¹³⁴. В

¹³¹ Кулиш. История воссоединения Руси. СПб., 1874, I, 116.

¹³² Хмельницкая летопись. Киев, 1876, 30.

¹³³ Хмельницкая летопись, 78.

¹³⁴ Бошан. Указ, соч., 85–89.

1648 году был «незначный приморок» на людей: «люди бардзо упали»; того же года был неурожай вследствие бездождия в течение трех весенних месяцев; только яровые хлеба были хороши, чем и спаслись люди от голода¹³⁵; того же года во всей Украине было страшное множество саранчи, причинившей великие бедствия людям, пожравшей хлеб и траву, так что негде было и косить сена; к тому же зима была слишком продолжительна, во время которой нечем было и скота кормить; та саранча зазимовала на Украине и весной снова явилась, и «так великую дорожнету учинила¹³⁶», как говорится в летописи Самовидца. В 1649 году был большой неурожай; уродила лишь падалица от ржи в тех местах, где стояли таборы; яровой хлеб сняли руками; в этом же году было страшное множество саранчи, съевшей хлеб, и не менее того мышей; никто не знал примера, чтобы когда-либо было столько мышей, как в этот год: от этого была большая дороговизна на хлеб, соль и сено¹³⁷. В Хмельницкой летописи говорится, что в 1650 году,

¹³⁵ Хмельницкая летопись, 79, 80.

¹³⁶ Летопись Самовидца. Киев, 1878 г.

¹³⁷ Хмельницкая летопись; Летопись Самовидца.

тотчас после праздника Рождества Христова, рожь продавалась по два злотых с излишком, а потом по копе, а в апреле того же года осьмина ржи по четыре злотых, осьмина проса по 3 и по 10, яровое по 3 и овес по 2 злотых¹³⁸. В 1677 году была великая снегами и морозами зима: снега и морозы продолжались почти до святого Георгия, так что у людей не только сена, но и соломы хватать не стало. В 1678 году, как говорят нам другие летописи Южной и Западной Руси, после Всеедной, выпали превеликие снега, от которых пало много татар и их коней, приходивших на Запорожье и Украину¹³⁹. А Самуил Величко пишет, что в 1680 году была страшная суша и спека солнечная, от которой повысыхали воды и травы, развелись черви, поевшие бобы, капусту, горох, коноплю, гречиху и переходившие с одной нивы на другую; в это же время в турецком городе Кизыкермене открылось моровое поветрие, первой жертвой которого был кизыкерменский бей со всем домом своим; из Кизыкерменя моровое поветрие перешло осенью в Сечь Запорожскую и там причинило

¹³⁸ Хмельницкая летопись. Киев, 1878.

¹³⁹ Сборник летописей Южной и Западной Руси. Киев, 1888.

великие бедствия¹⁴⁰. В 1686 году на Украине появилось множество черных червяков, величиной с гусеницу, причинивших страшный вред конопле и другим в этом роде растениям, кроме хлеба; они целыми стадами ходили по дороге и через ворота в город, из города — на огороды, не боясь дождей и мокрого лета. В 1688 году, 8 августа, в Запорожье и на Украину налетела в страшном количестве саранча, покрывшая все войско князя Василия Голицына, шедшее против татар; она повернула было вниз по-над Днепром, но потом явилась близ городков (то есть близ Украины); далее от Донца вновь явилась в бесчисленном множестве и укрыла все войско, но отсюда повернула в татарские степи; от нее падали лошади и рогатый скот, поедавшие ее с травой, также пропадали куры, гуси, утки и индейки; в это же время в Запорожье свирепствовала страшная чума, от которой умерло много народа¹⁴¹. В следующем году, 9 августа, саранча все еще продолжала свирепствовать в

¹⁴⁰ Самуил Величко. Летопись событий Южной Руси. Киев, 1851, II, стр. 17

¹⁴¹ Самовидец, 133, 149, 150, 164, 171; Феодосий. Материалы. Екатеринослав, 1880, I, 334.

Запорожском крае¹⁴². Читаем в той же летописи Самовидца: «В 1690 году весной в бывшем запорожском городке Самаре, или Новобогородицкой крепости, открылся великий мор людей: поумирало много народу великороссийского звания, скончался и сам воевода крепостной; из Самары мор распространился и по другим местам Запорожского края; в то же время на Украине около Стародуба явилась саранча; она налетела сюда 9 августа и отсюда бросилась частью в Литовский край, частью в Польшу, частью же осталась на зиму около Нежина, Чернигова и Стародуба; она шла широкой полосой, захватила окраину Московской земли за городом Свинским, испортила всю Комарницкую волость, сожрала озимый и яровой хлеб и была причиной такой дороговизны, что осьмина ржи и овса стоила по три злотых». В 1710 году на Украине, продолжает Самовидец, свирепствовала страшная моровая язва; она началась сперва в Киеве, а потом распространилась и по прочим малороссийским городам; в это же время налетела от моря на Украину великая саранча, поевшая хлеб и траву¹⁴³.

¹⁴² Сборник летописей Южной и Западной Руси, 31.

¹⁴³ Летопись Самовидца.

Манштейн пишет: в 1738 году открылась в Яссах и Бухаресте моровая язва; отсюда она перешла в Каменец-Подольский, Бар, Могилев, захватила Украину¹⁴⁴, перешла в Очаков и на Кинбурн, поглотила многих казаков на Запорожье, polegших своими костями на кладбище Новой Сечи и черными могилами сразу увеличивших эту и без того мрачную обитель. В 1748 и 1749 годах на Украине свирепствовала страшная саранча, для истребления которой принимались такие же решительные меры, как против чумы¹⁴⁵. Феодосий повествует: в 1750 году страшная чума опустошила почти все Запорожье¹⁴⁶; в это время Кош предписал жечь имущество и кедии зачумленных иноков Самарско-Николаевского монастыря; тогда предана была пламени келия настоятеля монастыря, иеромонаха Прокла, умершего от чумы; вместе с его имуществом сожжено было множество документов, относящихся к истории этого

¹⁴⁴ Бантыш-Каменский. История III, 171; Манштейн. Указ. соч.

¹⁴⁵ Замечания, до Малой России относящиеся. М., 1848.

¹⁴⁶ Феодосий. Материалы для историко-статистического описания, I.

монастыря, и биография первого настоятеля обители, иеромонаха Паисия ¹⁴⁷. Эта чума продолжала свирепствовать потом и в 1756 году в тех же самарских местах ¹⁴⁸. В 1759 году было неурожайное лето в Запорожье; после него настала холодная и бурная осень, а после пасмурной осени наступила с конца октября глубокая и холодная зима: снега завалили запорожские степи; стужа, мороз и порывистые ветры довершали лютость зимы; такие холода упорно держались до февраля следующего 1760 года, и в это время погибло множество людей и еще более того скота ¹⁴⁹. В наступивший 1760 год на запорожской реке Самаре вновь открылась чума. Феодосий описывает происходившее так: «Появившаяся и сразу в одно время обнявшая все вообще Запорожье моровая язва была так сильна и свирепа, навела на казаков запорожцев такой панический страх, что жители Запорожья в недоумении и страхе, в томлении сердец и в смятении духа, в виду смерти,

¹⁴⁷ Григорий Надхин. Память о Запорожье. М., 1877.

¹⁴⁸ Феодосий. Самарско-Николаевский монастырь, Екатеринослав, 1873.

¹⁴⁹ Там же.

прекратили все обычные занятия свои и всецело предались молитвенным воплям и сердечным воздыханиям к Богу. В Никитином (заставе) иеромонах-начальник, внезапно и скоропостижно умерший, незадолго до смерти в духе старческой, отеческой любви, написал умиленное воззвание к своим деткам-запорожцам, прося и умоляя их каяться во всех прегрешениях своих и готовиться к переходу в загробную жизнь; сечевой школы и церкви учитель и уставщик, иеромонах Леонид, прекратив все занятия в школе и переместив учеников своих из Сечи за речку Подпольную, по долгу звания своего, как отец сердобольный, возвысил к детям-запорожцам голос свой яко трубу, письменно и устно внушал всем и каждому, в тяжкие минуты явной опасности, заботиться исключительно о благоугождении Богу и о спасении души. Сам пан атаман Алексей Белицкий, именем всевельможного и всевластного Коша, располагал и приглашал казаков-запорожцев к тому же. В духовном, чисто религиозном настроении сердца казаки-запорожцы во все это время огромными массами ходили в Новый Кодак на поклонение образу великого милостивца и избавителя от наглой смерти, святителя Христова Николая»¹⁵⁰. В 1768 году с половины месяца

¹⁵⁰ Феодосий. Материалы для историко-статистического

января началась страшная «хуртовина» или «пурга», продолжавшаяся весь февраль до начала марта; от этого в Запорожье погибло много людей и скота более половины всей численности¹⁵¹, как пишет все тот же Феодосий. Такой же стужей отличалась зима и в 1769 году; в это время татары, сделавшие набег на Новосербию, потеряли от холода 30 000 лошадей¹⁵². В 1770 году в Запорожском крае был повсеместный неурожай и голод, а в Киеве открылась чума¹⁵³. В 1771 году, продолжает Феодосий, в январе месяце, в Запорожье открылась моровая язва; уже в марте месяце от этой язвы опустели села Романково, Кодак, Самара и Перещепино; в октябре месяце обезлюдели многие славяносербские шанцы; в это время добычей страшной смерти сделались в Елисаветграде правитель духовных дел, священник

описания.

¹⁵¹ Там же, II.

¹⁵² *Memoires du baron de Tott sur les turcs et les tartares*, 1781, II.

¹⁵³ Феодосий. Материалы историко-статистического описания, II.

Василий Логовик, в Бахмуте Семен Башинский, в Таганроге Михаил Парафацкий, в Азове Георгий Хрещатицкий и Михаил Алексеев, в конном казацком полку Павел Григорьев и многие другие¹⁵⁴. Наконец, в 1772 году, весной, в Запорожье было страшное и разорительное наводнение, а летом открылась повсеместная чума¹⁵⁵.

Страшные бедствия, которые приходилось испытать казаку, застигнутому в диких степях Запорожского края, художественно обрисованы в народной думе «О побеге трех братьев из-под Азова», в которой представлено, как два брата едут на конях через восточные степи Запорожья, а третий, пеший — пехотинец, спешит-поспешает за конными братьями, напрасно молит их взять его с собой, потом теряет их из виду, добирается до Савур-могилы и тут в страшных муках погибает от голода и жажды:

Из-пид города, спид Азова то невелики
туманы уставали.

Як три браты ридненьки,

¹⁵⁴ Там же, II.

¹⁵⁵ Там же, II; Григорий Надхин. Указ, соч., 47.

Як голубоньки сывеньки,
Из города, из Азова, з тяжкой неволи
У землю хрестиянську до батька, до
матери, до роду утикали.

Два брата кинных,
А третій брат, меньший, пиша-пишаныця,
За кинними братами угоняе,
На биле камня,
Ня сыре кориння
Свой нижки казацьки-молодецьки побивае;
Кровью слид заливае,
И до кинных братикив словами промовляе:
«Братики мои ридненьки,
Голубоньки сывеньки,
Добре вы учините,
Мене, наименьшого брата, миж кони
возьмите,
И в землю хрестиянську, до отця, до
матери, до роду надвезите».

И ти браты тое зачували,
Словами промовляли:
Братику мыйый,
Голубоньку сывый,
Ради б мы тебе миж кони узяти,
И буде нас Азовська орда нагоняти,
Буде в пень сикти-рубати,
И буде нам вельку муку завдавати».

И тее промовляли,

Видтиль побигали...
Тоди меньший брат на Савур-могилу
збигае,
Словами промовляе,
Слѣзами облывае:
Побило мене в поли три недоли:
Перша доля безхлибье,
Друга доля безвидье,
А третя — буйный витер в поли повивае,
Видного казака з ниг валяе.
Тоди меньший брат на Савур-могилу
зихожае,
Головку свою казацьку склоняе,
Батькову-матчину молитву споминае.
От руками не визьме
Ногами не пиде,
И ясными очима на небо не зглине,
Кругом взирае,
Тяжко вздыхае:
«Голово моя казацькая!
Бували мы у землях турецьких,
У вирах бусурменських;
А теперь прыпало на безвидди, на
безхлибьи погибате,
Девятыи день хлиба в устах не маю,
На безвиддьи, на безхлибьи погибаю!»
Тут тее промовляв... не чорна хмара
нолитала,

Не буйнии витры вийнули,
Як душа казацька-молодецька з тилом
розлучалась.

Толи сыви зозули налитали,
У головах сидали, жалибно кували,
И як ридни сестры оплакали;
Тоди вовки-сыроманьци набигали,
И орлы чорнокрыльци налитали,
В головках сидали,
З лоба чорни очи выдырали,
Биле тило од жовтой кости одривали,
Жовту кисть по-под зелеными яворами
разношали,

И комышами укrywали.
И жалибненько квилили-проквыляли:
Тож вони казацький похороны
одпрывляли¹⁵⁶.

О других бедствиях Запорожского края, саранче, разного рода насекомых, особенно комарах, слепнях и мошках, этих «крылатых шпильках запорожских омутов», и зимних стужах дают подробные и весьма любопытные описания современники-очевидцы, каковы упомянутый нами

156 Антонович и Драгоманов. Исторические песни малорусского народа. Киев, 1874, I.

не раз инженер Боплан и барон Тотт. «Бесчисленное множество оной (саранчи) на Украине, — говорит Боплан, — напоминает мне наказание, ниспосланное Всевышним на Египет при фараоне. Я видел, как бич этот терзал Украину в продолжение нескольких лет сряду, особенно в 1645 и 1646 годах. Саранча летит не тысячами, не миллионами, но тучами, занимая пространство на пять или на шесть миль в длину и на две или на три мили в ширину. Приносимая на Украину почти ежегодно из Татари, Черкесии, Бессы и Мингрелии восточным или юго-восточным ветром, она пожирает хлеб еще на корню и траву на лугах: где только тучи ее пронесутся или остановятся для отдохновения, там через два часа не останется ни былинки, и дороговизна на съестные припасы бывает ужасная. Бедствия увеличиваются в триста раз более, когда саранча не пропадает до наступления осени... Нет слова для выражения количества саранчи: она совершенно наполняет воздух и помрачает свет дневной. Полет ее лучше всего сравнить со снежными хлопьями, рассыпаемыми вьюгой во все стороны. Когда она сядет, все поле покрывается ею, и раздается только шум, который она производит, пожирая растения; оголив поле в час или в два, туча поднимается и летит далее по ветру. В это время исчезает свет солнца и небо покрывается как будто мрачными

облаками. В июне месяце 1646 года я должен был остановиться на две недели в недавно построенном Новограде, где заложена была мною крепость; увидев там бесчисленное множество саранчи, я не опомнился от удивления. Гадина вывелась в окрестностях Новограда весной и не могла еще хорошо летать, но покрывала землю и наполняла воздух так, что я не мог без свечей обедать в моей комнате. Дома, конюшни, даже хлева и погреба были набиты ею. Чтобы выгнать эту незваную гостью из комнаты, я жег порох, курил серой, но все без пользы: как отворят дверь, бесчисленное множество насекомых вылетало и прилетало в одно и то же время. На улице она кидалась в лицо, садилась на нос, щеки, брови, даже падала в рот, если кто хотел вымолвить слово. Это неудобство еще незначительно в сравнении с беспокойством во время обеда: разрезывая мясо на тарелке, вы поневоле давите саранчу, и едва раскроете рот, чтобы проглотить кусок, в ту же минуту должны выплевывать влетевшую гадину. Люди самые опытные приведены были в отчаяние неописанным множеством саранчи: надобно быть самому очевидцем, чтобы судить об этом наказании. Опустошив в две недели окрестности Новограда и получив силу летать, саранча отправилась по ветру в другие области. Я видел ночлег ее: кучи насекомых покрывали дорогу на четыре дюйма в

толщину, так что лошади наши останавливались и только под сильными ударами плети передвигали ноги; подняв уши и фыркая, они переступали с большим страхом. Гадина, даваемая колесами повозок и лошадиными копытами, испускала смрад нестерпимый, для головы весьма вредный; я принужден был непрерывно держать у носа платок, намоченный уксусом. Свиньи с жадностью пожирают саранчу и отъедаются весьма скоро; но никто из людей не употребляет ее в пищу, единственно по отвращению к гадине, которая наносит столь большой вред. Саранча живет не более шести с половиной месяцев, но расплождается и на следующий год: октябрь месяц останавливает ее полет; тогда каждое насекомое выкапывает хвостом яму и, положив в онаю до 300 яиц, зарывает их ногами; после этого умирает. Ни дождь во время несения яиц, ни сильный зимний холод не истребляют зародышей; весной же, в половине апреля, когда солнечные лучи нагревают землю, саранча вылупляется из яиц и расплзается, но не прежде шести недель получает способность летать; до того же времени отходит недалеко от места своего рождения. Укрепись в силах, она направляет свой полет по ветру; постоянный северо-западный ветер вгоняет ее в Черное море, а ветры других стран разносят этот бич по Украине... Вот что замечено мной в долговременное пребывание на

Украине об этом насекомом. Оно бывает толщиной в палец, а на длину имеет от трех до четырех дюймов»¹⁵⁷.

Почти в тех же красках рисует степи ногайских татар, а с ними вместе и степи запорожских казаков и автор записок о турках и татарах, барон де Тотт. «Эти насекомые, — говорит он, — налетают тучами на равнины ногайские, садятся на поля, особенно засеянные просом, и опустошают их в одно мгновение. При появлении облаков саранчи свет дневной помрачается, и облака ее заслоняют солнце. Иногда удается земледельцам-ногаям прогонять ее криком и стуком, но чаще она садится на полях их и покрывает оные слоем толщиной от шести до семи дюймов. Тогда шум полета ее сменяется шумом, который она издает, пожирая растения, и который можно сравнить со звуком при падении града; но град не столько наносит вреда, как саранча. Самый огонь не может быть опустошительнее для полей: там, где отдыхала саранча, не остается и следов прозябания»¹⁵⁸.

В 1748 и 1749 годах для истребления на

¹⁵⁷ Боплан. Указ. соч.

¹⁵⁸ *Memoires du baron de Tott sur le turcs et les tartares*, 1781, II.

украинских степях саранчи введены были такие меры, какие принимались против моровой язвы. Как говорится в брошюре «Замечания, до Малой России принадлежащие»: «Бывшие малороссийские полки все были в поле выведены, и сами их полковники и старшины, употребляя и прочих обывателей, истребляли саранчу, то зарывая ее во рвы, то сожигая, то метлами побивая. Словом сказать, истребление саранчи всех начальников и жителей занимало и за первое дело почиталось и уважалось»¹⁵⁹.

Кроме саранчи, немалые бедствия причиняли жителям Украины, в особенности же Запорожья, мошка и комары. «Берега днепровские, — говорит Боплан, — замечательны бесчисленным количеством мошек; утром летают мухи обыкновенные, безвредные; в полдень являются большие, величиною с дюйм, нападают на лошадей и кусают до крови; но самые мучительные и самые несносные комары и мошки появляются вечером: от них невозможно спать иначе как под казацким пологом, то есть в небольшой палатке, если только не захочешь иметь распухшего лица. Я могу в этом поручиться, потому что сам был проучен на опыте; опухоль лица моего едва опала через три дня, а веки

¹⁵⁹ Замечания, до Малой России принадлежащие. М., 1848.

так раздулись, что я почти не мог глядеть; страшно было взглянуть на меня... Чтобы избавиться от мучительных комаров и мошек, одно средство — прогонять их дымом; для этого нужно содержать постоянный огонь»¹⁶⁰.

Главным гнездилищем комаров и мошек были днепровские плавни и многочисленные острова с их непроходимыми камышами, болотными травами и густыми лесами; в открытые степи они доходили только в том случае, когда ветер дул от Днепра в какую-либо из четырех стран света вольностей запорожских: если ветер тянул к востоку, комары и мошка шли туда же; если он тянул к западу, они шли в ту же сторону и т. д. В самих же плавнях, особенно в Великом Лугу, их было такое множество, что они нередко буквально заедали телят и даже коров; попавшийся в плавни рогатый скот всегда ходил там облитый кровью и спасался только в воде или в дыму у раскладываемых пастухами костров. Обыкновенное время появления комаров в плавнях Днепра — половина апреля; конец — 6 августа, на Спаса, или 15, на Пречистую; оттого на этот счет приднепровские жители сложили следующее четверостишие:

¹⁶⁰ Боплан. Указ. соч.

Прийшов Спас, пропав комарыный бас;
А як прийде Пречиста, визьме комаря
нечиста.

Як прийде Спас, увирветця комарыный
бас,

А в Пречисту як заграють, то и цымбалы
поховають.

Из многих климатических неудобств Запорожского края не последнее место занимал и страшный холод в зимнее время. У Боплана находим в этом отношении несколько строк, весьма ярко рисующих бедственное положение спутника, застигнутого в зимнее время в открытой степи Украины сильным морозом и стужей; еще в большей мере эти слова можно применить к Запорожскому краю; в этом крае, не защищенном ни горами, ни лесами, представляющем из себя беспредельную равнину, особенно сильно чувствовались и летний зной, и зимняя стужа.

«Хотя Украина, — говорит Боплан, — лежит под одинаковой широтой с Нормандией, однако ж стужа в ней суровее и с некоторого времени не только жители, особенно военные, но даже кони и вообще вьючный скот не в силах переносить холода нестерпимого. Счастлив еще тот, кто спасается от смерти, отморозив пальцы, уши, нос, щеки или другие части тела. В этих членах естественная

теплота исчезает иногда мгновенно, зарождается антонов огонь и они отпадают. Человек теплокровный хотя не может вдруг отморозить членов, но от стужи появляются на них вереды, которые производят боль, столь же мучительную, как и болезнь венерическая. Это доказывает, что стужа на Украине гибельна не менее огня. Вереды бывают сперва в горошину, но через несколько дней, иногда через несколько часов, увеличиваются и покрывают весь член, который потом отваливается. Два из моих знакомых лишились таким образом самого чувствительного органа.

Обыкновенно стужа охватывает человека вдруг и с такой силой, что без предосторожностей невозможно избежать смерти. Люди замерзают двояким образом: одни скоро; смерть их можно назвать даже спокойной, ибо они умирают во время сна, без долговременных страданий. Кто пустится в дорогу на коне или в повозке, но не возьмет необходимых предосторожностей, худо оденется и притом не может перенести жестокой стужи, тот сперва отмораживает оконечности рук и ног, потом нечувствительно самые члены, и мало-помалу приходит в забытье, похожее на оцепенение; в это время сильная дремота клонит его ко сну. Если дадут вам заснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь; если же соберете все свои силы и прогоните сон, или спутники разбудят вас, жизнь

ваша спасена. Случалось и мне стоять на пороге смерти: я засыпал от холода, но слуги мои, крепкие телосложением и привычные к стуже, несколько раз расталкивали меня сонного. Другие умирают не так скоро, но смерть их труднее и мучительнее. Природа человека не в состоянии даже перенести тех мучений, которые приводят страдальцев почти в бешенство. Такой смерти не избегают люди и самого крепкого телосложения. Стужа проникает в почки и охватывает поясницу; всадники отмораживают под броней живот, особенно кишки и желудок. Потому-то страдалец чувствует неутолимый голод. Приняв пищу самую легкую, например бульон, он извергает ее немедленно с болью мучительной и коликами нестерпимыми, стонет беспрестанно и жалуется, что внутренности его раздираются. Предоставляю ученым врачам исследовать причину таких ужасных страданий; сам же замечу только, что некоторые любопытные украинцы, желая узнать, отчего болезнь эта столь мучительна, вскрывали трупы и находили большую часть кишок почернелыми, обожженными и как бы склеившимися. Это убедило их, что подобные болезни неисцелимы и что больной стонет и кричит день и ночь беспрестанно по мере того, как в отмороженных внутренностях появляется антонов огонь; продолжительная, мучительная смерть его неизбежна. В 1646 году, когда польская армия

вступила в московские пределы для пресечения возвратного пути татарам и освобождения плененных ими жителей, жестокая стужа принудила нас сняться с лагеря: мы потеряли более 2000 человек, из коих многие погибли описанной нами мучительной смертью, другие же возвратились калеками. Холод не пощадил даже лошадей, хотя они и покрепче нас: во время похода пало их более 1000, в том числе шесть лошадей под кухней генерал-лейтенанта Потоцкого, бывшего впоследствии коронным гетманом и кастеляном Краковским. Стужа захватила нас близ реки Мерлы, впадающей в Днепр. На Украине защищают себя от оной единственно тем, что укутываются в теплую одежду и запасаются разными вещами, предохраняющими от холода. Что касается меня, то я, путешествуя в карете или в повозке, клал на ноги для тепла собаку, укутывал их суконным одеялом или волчьей шубой; лицо же, руки и ноги натирал винным спиртом, которым смачивал также и чулки, оставляя их высыхать на ногах. Этими предосторожностями, с Божьей помощью, я избавился от несчастий, мною описанных. Стужа бывает еще опаснее для того, кто не употребляет горячей пищи и питья, по примеру украинцев, которые три раза в день едят род похлебки из

горячего пива с маслом, перцем и хлебом, и тем предохраняют свою внутренность от холода»¹⁶¹.

Такова характеристика вольностей запорожских казаков у разных писателей. О климате и температуре этого края в общем можно сказать следующее. Зима здесь непостоянна и кратковременна: она устанавливается только в декабре и продолжается три месяца — декабрь, январь, февраль; морозы обыкновенно бывают 10, редко доходят до 20 и еще реже до 30 градусов по Реомюру; снега неравномерны: то очень глубокие, то совсем ничтожные, и более собираются в балках, байраках и оврагах, чем в открытых и ровных местах; частые зимние вьюги, или так называемый «пурги» и «хуртечи», при неудержимом северо-восточном или восточном ветре, бывают причиной гибели и людей, и скота; стужи, вследствие открытого положения местности, чувствуются гораздо сильнее, чем в местностях, защищенных природой: 10-градусные холода в Запорожье — что 20 градусов в Белоруссии. Весна начинается или с конца марта, или с начала апреля; весенних ночных заморозков в степи не бывает; травы обыкновенно снимаются в конце апреля, реже в начале мая; фрукты, овощи и хлебные

¹⁶¹ Бошан. Указ. соч.

растения поспевают в июле и начале августа; грозы летом очень часты; в середине июня прекращается ночная роса; весь июль и особенно начало августа часто проходят совсем без дождя, отчего степи теряют всякую прелесть и превращаются в сухую, выжженную, обнаженную и пыльную равнину; в половине августа жары достигают такой степени, что человеку и животным становится не в состоянии переносить знойную температуру и неумолимо палящие лучи южного солнца: средняя температура лета в июне и июле от 15 до 20 градусов, в августе от 26 и более, по Реомюру; наибольшая температура до 45 и иногда, хотя весьма редко, до 50 градусов; в северной окраине и средней полосе температура обыкновенно бывает несколько ниже, чем в восточной и особенно южной; дожди идут большей частью тучковые и нередко столь сильные, что своими потоками сносят хлеб, огородную растительность и даже мелкий скот и легкие постройки, особенно в местах низменных и глубоких; со второй половины августа начинает садиться роса и перепадать дожди, отчего степь постепенно начинает зеленеть и принимает нарядный и веселый вид. Осень начинается с конца сентября, вообще же сентябрь и иногда начало октября считаются здесь самым приятным временем года; с конца же сентября здесь наступают иногда туманы, нередко

продолжающиеся периодически осенью, зимой и весной; реки здесь обыкновенно замерзают в ноябре и остаются закованными льдом до марта. Северо-восточные и восточные ветры приносят здесь холод, зной и засуху, южные и юго-западные — тепло, дождь и влагу; из всех окраин вольностей запорожских, в ближайших к морю и большим рекам, каковы Днепр и Буг, климат мягче и влажнее, чем в других.

Но каковы бы ни были удобства или неудобства края, для запорожских казаков он представлялся обетованною страной, заветной Палестиной, несмотря на весь ужас его пустынности, летнего зноя, зимней стужи, страшного безводья, губительного ветра. И чем страшнее казался этот край другим, тем привлекательнее он был запорожским казакам. Многим уже один Днепр казался страшным как по своей дикости, так и по своей малодоступности. Таким диким и малодоступным делали Днепр как его заливы, гирла, речки, ветки, озера, болота, так и его многочисленные острова, карчи, заборы и пороги. По сказанию Боплана, в конце своего течения Днепр имел едва исчислимое множество островов, покрытых такой густой травой, таким непролазным камышом и такими непроходимыми и высокими деревьями, что неопытные моряки издали принимали огромные деревья реки за мачты

кораблей, плавающих по днепровским водам, а всю массу островов — за один сплошной, огромной величины остров. Когда однажды турки, преследуя запорожцев, проникли из Черного моря на своих галерах до самой сечевой скарбницы, то, поднявшись выше устья Днепра, они запутались в целом архипелаге островов и совершенно потерялись, как в бесконечном лабиринте с его многочисленными ходами и переходами, в неисчислимых ветках и непролазных камышах реки; тогда запорожцы, бросившись на лодках между камышей и деревьев, потопили несколько турецких галер, истребили множество людей и так напугали своих врагов, что они никогда потом не поднимались выше четырех или пяти миль от устья Днепра вверх¹⁶². Поляки только в 1638 году впервые проникли и ознакомились с запорожскими трущобами и придавали этому знакомству чрезвычайно важное значение¹⁶³.

Но, как пишет Афанасьев-Чужбинский в своей книге «Поездка в Южную Россию»: «Что значат эти острова и ветки в сравнении с днепровскими порогами? Кто не видал порогов, кто

¹⁶² Бошан. Указ. соч.

¹⁶³ Кулиш. Отечественные записки, 1864.

не пытался переправляться через них, тот никогда не может себе и представить всей грозы и всего ужаса, каким обдаёт Днепр даже самого смелого пловца по нему. При виде страшной пучины, kloкочущей в днепровских порогах, кровь леденеет в жилах человека, уста сами собой смыкаются, сердце невольно перестает биться... Уже издали можно узнать близость порогов по тому страшному шуму и стону воды, которая, вливаясь в промежутки между камней порогов, сильно пенится, яростно бросается с камня на камень и как бы с ожесточением стремится вырваться из своих тисков, точно желая поглотить все своим течением, схватить, увлечь и унести все своей неудержимой и сокрушающей силой. Особенно страшны бывают пороги в то время, когда на Днепре схватится так называемая полоса ветра. «Из всех ветров, заключенных в мехах Эола, он — северо-восточный — самый злой, коварный и опасный. Как сила дурного глаза, губительно влияние его; как чаша испитой неблагодарности, снедает грудь ядовитое дуновение его», — сказал один из эллинов о греческом ветре, и эти же слова можно применить к внезапному порыву ветра на Днепре. Этот порыв внушает опасность даже и бесстрашным днепровским лоцманам: они отваливают от берега с барками и плотами только в самую тихую погоду, когда вода в Днепре стоит как зеркало и когда она

не шелохнет ни одной своей струей; но и среди такого затишья нередко и совершению неожиданно схватываются полосы ветра, и тогда и ловцам остается одно спасение — надежда на Бога¹⁶⁴. Вот Днепр спокоен и тих; в его водах, как в чистом хрустальном зеркале, отображается ясное, сине-голубое и безоблачное небо. Но это спокойствие обманчиво. Не проходит и нескольких часов, как вдруг Днепр поворонел, над ним дико завыл порывистый ветер, и вмиг вся поверхность воды зловеще зачернела, быстро заволновалась и закипела своей белой жемчужной пеной. Страшнее всего бывает в таких случаях Днепр в ночное время!..

По всему этому, среди бесконечных гирл Днепра, среди его глубоких лиманов, необозримых плавней, неисчислимых забор, подводных карчей и диких порогов, не рискуя головой, мог свободно плавать только опытный пловец; среди его лесистых островов, топких болот, среди невылазных и непроглядных камышей мог не потеряться только тот, кто отлично и во всех подробностях изучил Днепр и его речную долину. Но вот эта-то неприступность Днепра, эта-то

¹⁶⁴ Афанасьев-Чужбинский. Поездка в Южную Россию. СПб., 1863, I.

дикость мест, этот страх пустынной безлюдности и привлекали низовых молодцов, никем и ничем не устрашимых запорожских казаков. Здесь, за неприступными порогами, среди бесчисленных островов, непроходимых камышей, дремучих и вековых лесов; здесь, в бесплодных и знойных полях, в безводных и диких степях, здесь-то удальцы и находили себе надежное убежище и всеобъемлющую колыбель. «Сичь — мате, а Велький Луг — батько!.. Степ та воля — казацька доля!..» Сюда не могла досягать ни рука королевского чиновника, ни рука пана-узурпатора, ни власть коронного гетмана, ни даже грозные универсалы грозных королей польских; здесь же молодцам нипочем были ни татары, ни турки, ни летний зной, ни зимний холод, ни страшное безводье, ни губительная засуха, ни дикий зверь, ни степная «пожежа».

Ой, полем, полем Кылымським,
Та шляхом бытым Гордынським
Ой там гуляв казак Голота.

Не боитця вин ни огня, ни меча, ни третёго
болота.

Глава 4. История и топография восьми Запорожских Сечей

Владея обширными степями, отходившими на громадное пространство к востоку и западу от реки Днепра, запорожские казаки при всем том центром своих вольностей всегда считали реку Днепр: на Днепре или близ Днепра они постоянно устраивали свою столицу, Сечь. Название казацкой столицы — «Сеча, Сича, Сечь» — без сомнения, произошло от слова «секти» — «высекать», в смысле рубить и, следовательно, имеет одинаковый корень с великорусским словом «засека». Доказательством тому служат дошедшие до нас документы прошлых веков, раскрывающие ход постепенной колонизации новых днепровских степных мест, шедшей из старой Малороссии на Низ. Колонизация эта выражалась прежде всего тем, что пионеры новой земли, избрав для своего поселения уединенную лесную трущобу, совсем недоступную или малодоступную для набегов степных наездников, *высекали* среди ней лес, и здесь, на расчищенной лесной местности, где оставались только пни от вырубленных деревьев, заводили свой поселок ¹⁶⁵. Естественно думать, что и

¹⁶⁵ Киевская старина, 1888, XXIII, № 11.

Запорожская Сечь таким же путем возникла и от этого именно получила свое название. Но усвоенное название в местности лесной, оно приурочивалось и к тем местам, где вовсе не было леса и где даже не было никакой надобности в очистке места от лесной растительности. Напротив того, случалось, что избранное место для устройства в нем Сечи нужно было даже укреплять искусственно; для этой цели *высекали* где-нибудь вблизи намеченного для Сечи места толстые деревья, заостряли их сверху, осмаливали снизу и, подобно частоколу, вколачивали вокруг какого-нибудь острова или мыса правильной подковой, как это можно было видеть при раскопке Чертомлыцкой Сечи. Таким образом, в названии казацкой столицы «Сечь» заключался двойной смысл: это было или расчищенное среди леса, или укрепленное высеченным лесом место. Отсюда мнение о том, что название Сечи произошло от слова «секти» в смысле разить, потому что запорожцы главной своей задачей ставили сечь головы врагам, кажется вовсе неправдоподобным¹⁶⁶. В переносном смысле слова Сечь была столицей всего запорожского казачества,

¹⁶⁶ Записки Одесского общества истории и древностей, VI.

центром деятельности и управления всеми войсковыми делами, резиденцией всех главных старшин, стоявших во главе низового казачества.

Рядом со словом «сечь» ставилось слово «кош», иногда — «вельможный Запорожский Кош». Слово уже несомненно заимствовано извне, взято именно от татар, как слова «казак», «атаман», «есаул», «чауш», «чабан». На татарском языке слово «кош», или, правильнее, «кхош», означало — десять тысяч вместе сведенных овечьих стад. «Для удобства исполнения пастушеских обязанностей, — замечает на этот счет Хартахай в статье, напечатанной в «Вестнике Европы», — татары часто прибегали к союзам. Во главе союза являлся человек, у которого было собственное стадо и который, кроме того, прославился как хороший распорядитель, удачно размножающий свой скот. С таким человеком все охотно вступают в союз. Этот союз имеет следующую организацию. Во главе его стоял основатель, а членами его считались вкладчики. Десять соединенных стад, в каждом по 1000 овец, составляют одно сводное под общим названием кхош. Так как с 10 000 овец неудобно производить кормление на одном месте, то весь кхош разделялся на малые стада в тысячу и менее овец. При каждом полном стаде находилось по три человека; они известны под именем чабанов. Тот, который отличался наибольшей расторопностью,

делался непосредственным начальником чабанов сводного стада и получал титул одамана. Главное управление всеми отдельными стадами сосредоточивалось в коше. Там живет начальник союза и верховный правитель коша»¹⁶⁷. Запорожец Никита Леонтьевич Корж объясняет слово «кош» следующим образом: «кочуя зиму и лето по степи, запорожские казаки, для защиты пастухов от холодных ветров и дурной погоды, употребляли коши; КОШИ эти подобились палаткам; они обшиты были вокруг полстями и, для удобства передвижения с места на место, устроены были на двух колесах; в середине их делалась кабыця для огня, у которой грелись и просушивались от непогоды пастухи»¹⁶⁸. Оба эти объяснения примиряет профессор Григорьев. Кош, по его словам, означает всякое временное помещение в пустом месте или на дороге: отдельную кибитку, несколько кибиток вместе и целый лагерь. «Поэтому, — пишет он, — кошем называлась, по заимствованию от татар, и главная квартира запорожского войска, состоявшего из людей неоседлых, готовых всегда переноситься с места на

¹⁶⁷ Хартахай. Вестник Европы, 1866, VI.

¹⁶⁸ Устное повествование Никиты Коржа. Одесса, 1842.

место»¹⁶⁹.

Слова «сечь» и «кош» употреблялись у запорожских казаков то безразлично, то с полным различием одного от другого: обыкновенно под словом «Сечь» разумелась постоянная столица, постоянное ядро казаков, постоянный центр всего казачества, и притом у себя, дома; тогда как слово «кош» чаще всего понималось в смысле правительства, иногда в смысле временного места для пребывания казаков, военного лагеря, ставки, *etat major*, даже в смысле казацкого табора; но чаще всего слова «кош» и «сечь» ставились одно вместо другого с одинаковым понятием постоянного местопребывания запорожских казаков. Оттого в дошедших до нас документах запорожского архива встречаем подписи: «Дан с Коша при Буге»¹⁷⁰, то есть с временного лагеря при Буге; «Дан с Коша Сечи Запорожской», «Дан на Кошу Сечи Запорожской», то есть с постоянного места при Сече Запорожской; «Писано на Кошу»¹⁷¹, то есть писано в ставке при постоянной Сечи;

¹⁶⁹ О некоторых событиях в Бухаре, Казань, 1861.

¹⁷⁰ Яворницкий. Вольности запорожских казаков.

¹⁷¹ Самуил Величко. Указ, соч., I, II.

«Запорожский Кош», то есть Запорожская Сечь, при этом — год, месяц, число и место постоянной, например, Новой Сечи¹⁷².

«В течение своего, с небольшим двухсотлетнего исторического существования запорожские казаки последовательно переменили *восемь* Сечей: Хортицкую, Базавлущкую, Томаковскую, Микитинскую, Чертомлыцкую, Алешковскую, Каменскую и Новую, или Подпиленскую. Причинами перенесения Сечей с одного места на другое были частью большее для жизни удобство одной местности сравнительно с другой, частью стратегические соображения, частью чисто случайные явления, вроде недостатка воды, тесного помещения, вредной для здоровья местности, эпидемии, от которой известная местность настолько заражалась, что живым людям поневоле приходилось переноситься всем центром жизни, или Сечею, на другую здоровую местность»¹⁷³.

Последовательное перечисление Запорожских Сечей находим в историческом труде князя Семена

¹⁷² Яворницкий. Сборник материалов.

¹⁷³ Яворницкий. Число и порядок Запорожских Сечей. Киев, 1884.

Мышецкого, откуда оно заимствовано летописцем Ригельманом и за ним — историками Бантыш-Каменским и Маркевичем. Князь Мышецкий насчитывает десять Сечей: в Седневе, близ Чернигова; Каневе, ниже Киева; Перевалочной, близ Кременчуга; на Хортице; на Томаковке; на мысе Микитином; при устье реки Чертомлыка; при устье реки Каменки; в урочище Алешках, и, наконец, при речке Подпильной¹⁷⁴. В этом перечне не находим Базавлуцкой Сечи, зато находим три других Сечи — в Седневе, Каневе и Перевалочной, которых за сечи принять, однако, нельзя. Дело состоит в том, что *запорожскими* казаками, в отличие от малороссийских, украинских, черкасских, реестровых, городских и семейных, живших в Старой Малороссии, то есть Киевской, Полтавской, Черниговской и частью Подольской губерниях, назывались собственно те казаки, которые жили *за порогами* Днепра; отсюда и Запорожскими Сечами в точном и буквальном смысле слова должны называться лишь те, которые возникли и устроены были ниже порогов. А так как Седнево, Канев и Перевалочна были гораздо выше порогов, и притом в старой Малороссии, то считать их Запорожскими Сечами нет никакого основания.

¹⁷⁴ Мышецкий. Указ. соч.

В данном случае свидетельство князя Мышецкого важно для нас именно в том отношении, что оно подтверждает лишь признанный в истории Малороссии факт о постепенной колонизации, шедшей из городов в степи, и о тесной связи и близком родстве запорожских казаков с малороссийскими. Таким образом, первой Запорожской Сечью следует считать Сечь на острове Хортице, ниже порогов.

Остров Хортица — самый большой и самый величественный из всех островов на протяжении всего Днепра. Он известен был уже многим древним историкам и писателям. У греческого императора Константина Багрянородного (905–959) он называется островом Св. Григория, получившим свое название, как думают, от Григория, просветителя Армении, некогда приезжавшего в Россию по Днепру¹⁷⁵; в русских летописях он именуется Хортич, Кортицкий, Городецкий, Ортинский, Интрский остров¹⁷⁶; у Эриха Ласоты, у Боплана, в «Книге большого чертежа» — Хортица и

¹⁷⁵ Федор Карлович Брун. Черноморье. 1879, II.

¹⁷⁶ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871.

Хиртица¹⁷⁷; у польского хрониста Мартина Бельского — Хорчика¹⁷⁸; у Василия Зуева и князя Мышецкого — Хортиц¹⁷⁹; на атласе Днепра 1786 года адмирала Пущина — Хитрицкий остров¹⁸⁰; у Ригельмана — Хордецкий остров¹⁸¹.

Остров Хортица получил свое название, по объяснению профессора Бруна, от слова «хорт», что значит — борзая собака, которую наши предки, славяне-язычники, останавливаясь на острове ниже порогов во время плавания по Днепру «из варяг в Царьград», могли приносить в жертву своим богам¹⁸². «Прошед Крарийский перевоз¹⁸³

¹⁷⁷ Путевые записки; Описание Украины. Москва, 1848.

¹⁷⁸ Zbior pisarzy polskich, Czesc szosta, XVIII, Warszawa, 1832.

¹⁷⁹ Путешественные записки. СПб., 1786; История. Одесса, 1852.

¹⁸⁰ Императорская С.-Петербургская публичная библ., F, IV.

¹⁸¹ Летописное повествование о Малой России, I.

¹⁸² Брун. Примечание к «Путевым запискам» Ласоты. Одесса.

[теперь переправа Кичкас], они — руссы — причаливают к острову, который называется именем Св. Григория. На этом острове они совершают свои жертвоприношения: там стоит огромной величины дуб. Они приносят в жертву живых птиц; также втыкают кругом стрелы, а другие кладут куски хлеба и мяса, и что у кого есть, по своему обыкновению. Тут же бросают жребий, убивать ли птиц и есть или оставлять в живых» (цитируем по *De administrando imperio*). В русских летописях имя Хортицы впервые упоминается под 1103 годом, когда великий князь Святополк Изяславич, в союзе с другими князьями, шел походом против половцев: «И поидоша на коних и в лодьях, и придоша ниже порог и стаща в протолчех и в Хортичим острове»¹⁸⁴. Из русских же летописей узнаем, что на острове Хортице съезжались все; главные русские князья и их пособники, когда в 1224 году отправлялись на первую битву против татар, к речке Калке: «Придоша к реце Днепру и видоша в море: бе бо

¹⁸³ Теперь переправа Кичкас, выше острова Большая Хортица.

¹⁸⁴ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871.

людей тысячи, и воидоша в Днепр и возведоша пороги и стаха у реки Хортице на броду, у протолчи»¹⁸⁵.

Возникновение, устройство и история *Хортицкой Сечи* тесно связаны с историей и подвигами знаменитого вождя запорожских и украинских казаков, князя Димитрия Ивановича Вишневецкого, известного в казацких народных думах под именем казака Байды. Князь Димитрий Вишневецкий впервые является на острове Хортице в 1556 году. Потомок волынских князей Гедиминовичей, Вишневецкий был человек православной веры, владел многими имениями в Кременецком повете, каковы: Подгайцы, Окимны, Кумнин, Лопушка и др., имел у себя трех братьев: Андрея, Константина и Сигизмунда, и впервые стал известным с 1550 года, когда назначен был польским правительством в звание Черкасского и Каневского старосты. В этом звании Вишневецкий оставался до 1553 года: получив отказ от короля Сигизмунда Августа по поводу просьбы о каком-то пожаловании, князь Димитрий Вишневецкий, по старому праву добровольного отъезда служилых людей от короля, ушел из Польши и поступил на службу к турецкому султану. Тогда польский

¹⁸⁵ Там же.

король, обеспокоенный тем, что турки, в лице Вишневецкого, приобретут отличного полководца, каким он действительно и был, теперь врага польскому престолу, снова привлек князя к себе, дав ему опять те же города Черкасы и Канев в управление. Но, управляя этими городами, князь хотя и доволен был на этот раз королем, но остался недоволен собственным положением; душа его жаждала военной славы и ратных битв. Тогда князь задался широкой мыслью: уничтожить всю ногайско-крымскую орду татар и, если можно, овладеть Черноморским побережьем. Эта смелая и широкая мысль была первым шагом на пути к изгнанию турок из Европы, к которому в конце XVII века многие политики пришли в Западной Европе и с которыми во второй половине XVIII века носился князь Григорий Потемкин. Свой план князь Димитрий Вишневецкий старался выполнить последовательно и открыто высказал его в 1556 году. Он нашел себе союзников, русских казаков дьяка Ржевского и запорожских казаков атаманов Млымского и Михайлова Еськовича, и вместе с собственными, тремястами черкасско-каневскими казаками ходил против татар и турок под Ислам-Кермень, Волам-Кермень и Очаков. Повоевав удачно с врагами христианской веры в их собственной земле, Димитрий Вишневецкий вслед за тем отступил на остров Хортицу и отсюда

рассчитывал открыть постоянные набеги на мусульман. С этой целью он устроил здесь «город». Этот «город» и послужил для запорожских казаков прототипом Сечи. Неизвестно, называли ли действительно запорожские казаки «город» Вишневецкого Сечью, но близкий к данному событию человек, посланник германского императора Рудольфа II, Эрих Ласота, проезжавший близ Хортицы в 1594 году, свидетельствует, что то был «замок», разрушенный потом татарами и турками¹⁸⁶. Укрепившись «городом» на острове Хортице, Димитрий Вишневецкий около этого же времени вновь отошел от польского короля и в мае месяце 1557 года доносил русскому царю Ивану Грозному, что к нему на остров Хортицу приходил крымский хан Девлет Гирей с сыном и со многими крымцами, упорно бился с князем двадцать четыре дня. Но, как говорит нам русская летопись по Никоновскому списку, Божьим милосердием, именем и счастьем царя, государя и великого князя, он, Вишневецкий, отбил от хана, побил у него даже многих лучших людей, так что хан пошел от Вишневецкого «с великим соромом» и от своего поражения настолько обессилел, что Вишневецкий отнял у

¹⁸⁶ Летопись по Ипатскому списку.

крымцев многие из их кочевий¹⁸⁷. Вслед за этим, в том же году, в сентябре месяце, Вишневецкий через своего посланца Михаила Еськовича изъявил желание поступить в подданство московского царя, сообщил Ивану Грозному об устройстве на Днепре, «на Кортицком острове, города, против Конских Вод, у крымских кочевий»; в этом же году Вишневецкий вторично извещал царя, что он принял от него на острове Хортице боярских детей Андрея Щепотьева, Нечая Ртищева да Михаила Еськовича, получил охранную грамоту, царское жалованье и согласие царя на принятие князя в русское подданство, а в заключение доносил, что он снова задумал поход против мусульман под Ислам-Кермень. Отправив к царю Андрея Щепотьева, Нечая Ртищева, Семена Жижемского и Михаила Еськовича, Димитрий Вишневецкий просил царя через своих посланцев дозволить ему этот вновь задуманный поход на исконных врагов веры Христовой. Однако, пока пришло от царя на то разрешение, хан сам не замедлил предупредить князя: в октябре месяце, 1558 года, Девлет Гирей внезапно подступил к острову Хортице и, со множеством людей турецкого султана и волошского господаря, осадил «город»

¹⁸⁷ Русская летопись по Никоновскому списку.

Вишневецкого и бывших с ним запорожских казаков. Вишневецкий и на этот раз долго отбивался от мусульман, но, потом не имея чем продовольствовать своих лошадей и людей, оставил Хортицу и ушел в Черкасы и Канев, а оттуда явился в Москву. Из Москвы, в октябре того же 1558 года, вместе с кабардинским мурзой Канклыком Кону, новым, собственным братом, атаманами, сотскими и стрельцами, Димитрий Вишневецкий уехал судном в Астрахань, из Астрахани к черкесам в Кабарду; здесь ему велено было собрать рать и идти мимо Азова на Днепр, на Днепре стоять и наблюдать за крымским ханом, «сколько Бог поможет».

Исполняя царское приказание, Вишневецкий сперва остановился под Перекопом; но, не встретив здесь ни одного врага, перешел к Таванской переправе «на полтретьятцать верст ниже Ислам-Керменя»; простояв напрасно на переправе три дня, Вишневецкий отсюда поднялся на остров Хортицу и здесь соединился с дьяком Ржевским и его ратниками. Встретив Ржевского выше порогов, Вишневецкий велел ему оставить все копии с запасами на острове Хортице, отобрал лучших людей из его рати — небольшое число боярских детей, казаков да стрельцов, остальных отослал в Москву, и потом с отборным войском пошел «летовать» в Ислам-Кермень, откуда имел целью

захватить турецкие города Перекоп и Козлов. Крымский хан, видя намерение Вишневецкого, ушел вовнутрь полуострова за Перекоп. Узнав об отходе хана за Перекоп, царь Иван Грозный отправил к Вишневецкому посла с жалованьем и через него же приказал князю оставить на Днепре Ширия Кобякова, дьяка Ржевского и Андрея Щепотьева с немногими боярскими детьми, со стрельцами и казаками Данила Чулкова и Юрия Булгакова, а самому ехать в Москву. Князь повиновался воле царя; но через два года он снова очутился на Днепре, близ острова Хортицы, откуда, снесшись с польским королем, вторично перешел к нему на службу; с его отъездом и последовавшей за ним весьма трагической смертью история Хортицкой Сечи надолго прекратилась¹⁸⁸.

В 1594 году мимо острова Хортицы ехал посланник германского императора Рудольфа II, Эрих Ласота, к запорожским казакам; на своем пути он видел два острова Хортицы, Большую и Малую Хортицу; с последней именно Ласота и связывает подвиги князя Вишневецкого; здесь он указывает на остатки того «городка», который Вишневецкий устроил для обороны против татар: «Четвертого июля прошли мы мимо двух речек, называемых

¹⁸⁸ Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1791.

Московками и текущих в Днепр с татарской стороны. Затем пристали к берегу близ лежащего ниже острова Малой Хортицы, где лет тридцать тому назад был построен замок Вишневецким, разрушенный потом татарами и турками»¹⁸⁹. Несколько позже Ласоты об острове Хортице говорит и польский хронист Мартин Бельский: «Есть и другой остров близ того — Коханого, — называемый Хорчика, на котором Вишневецкий перед этим жил и татарам очень вредил, так что они не смели через него так часто к нам вторгаться»¹⁹⁰. В XVII веке Боплан писал о Хортице, что остров этот очень высок, почти со всех сторон окружен утесами, в длину имеет более двух миль, а в ширину, с восточной стороны, — около полумили, а к западу уже и ниже, что он не подвержен наводнениям и покрыт дубовым лесом¹⁹¹. В XVIII веке, 1736–1740 годах, князь Семен Мышецкий сообщал о Хортице, что, по дошедшим до него

¹⁸⁹ Эрих Ласота. Путевые записки, в 1594 году. Одесса, 1873.

¹⁹⁰ Zbior pisarzy polskich. Czesc szosta, XVIII, Warszawa, 1832.

¹⁹¹ Боплан. Указ. соч.

рассказам, этот остров некогда составлял одно целое с окружающей его степью, а потом уже образовался от действия весенних вод на низкий берег реки Днепра; что на нем издревле была Запорожская Сечь; что во время польско-русской войны 1630 года вождь запорожских казаков, Сагайдачный, построил на этом острове фортецию или окоп ¹⁹², а в 1738 году, во время Русско-турецкой войны, на нем сделан был русскими войсками большой ретраншемент, со многими редутами и флешами, и что против него очень долго стояла русская армия и флотилия, ушедшая из-под Очакова ¹⁹³. Впрочем, тут есть явная хронологическая ошибка: гетман Петр Конашевич Сагайдачный на самом деле умер 10 апреля 1622 года. Кроме свидетельства князя Мышецкого, весьма, впрочем, ненадежного там, где он касается внешней истории запорожских казаков, мы не знаем других указаний о пребывании гетмана Сагайдачного на острове Хортице; как кажется, на пребывание Сагайдачного на Хортице намекает лишь историк Устрялов, говоря, что запорожцы в

¹⁹² Явная хронологическая ошибка: Сагайдачный умер в 1622 г., 10 апр.

¹⁹³ Мышецкий. Указ. соч.

начале XVI столетия, имея свою Сечь, оставили ее здесь, а потом, в 1620 году, возобновили на том же месте и вновь покинули ¹⁹⁴. Относительно сооружений на острове Хортице русскими войсками земляных укреплений, помимо свидетельства Мышецкого, имеем и другие указания, из которых видим, что эти сооружения возведены не в 1738 году, как показывает автор истории о казаках, а в 1736 году. Вот выдержка из все тех же «Записок Одесского общества истории и древностей»: «В бывшую русских с турками войну в 1736 году, на острове Хортице был построен знатный ретраншемент с линиями *поперек острова* ¹⁹⁵, где и строение военных судов производилось, но лес к тому из дальних мест сверху Днепра доставлялся, по причине имеющихся на Днепре, выше сего острова, в 60 верстах при Кодацком ретраншементе, начавшихся порогов, кои вниз продолжением десять только верст до того острова не дошли»¹⁹⁶.

Цель сооружения названных укреплений на

¹⁹⁴ Боплан. Указ. соч.

¹⁹⁵ В таком виде он сохранился и до настоящего времени.

¹⁹⁶ Записки Одесского общества истории и древностей, VII.

острове Хортице объясняет очевидец и участник Русско-турецких войн 1736–1738 годов, Христофор Манштейн, так: «Во время похода и полевых действий 1736 года граф Миних свободное сообщение с Украиной сохранял следующим образом: коль скоро войско за границу российскую выступало на некоторое отдаление, то он приказывал в известном расстоянии делать небольшие земляные укрепления, так что ежели местоположение в рассуждении дров и воды позволяло, одно от другого не далее было одной или двух миль... В каждом из сих укреплений оставляли одного чиновника и от 10 до 12 человек ратников или драгун и до 30 казаков, а в больших — от 400 до 500 строевого войска и около толикого же числа казаков под начальством штаб-офицера. Сии рассыпанные войска должны были препровождать гонцов и заготовлять сено в запас... Крепостцы весьма полезны были еще и для обозов, к войску следовавших: они тут находились в безопасности от всякого неприятельского нападения и обыкновенно в одной которой-либо из них останавливались для ночлега»¹⁹⁷. Делал ли на острове Хортице, кроме Сагайдачного и Миниха, укрепления казацкий предводитель Яков Шах,

¹⁹⁷ Записки исторические о России. М., 1823, I.

известный сподвижник Ивана Подковы, действовавшего в конце XVI столетия, на это у нас нет никаких указаний, несмотря на уверения автора лубочной «Истории Малороссии» Семенова¹⁹⁸.

Остров Хортица в настоящее время имеет в окружности 24 1/2 версты и заключает в себе 2547 десятин и 325 квадратных сажен земли; наибольшая высота его, в северо-восточном углу, при среднем уровне воды в Днепре, доходит до 25 сажен. Юго-восточная половина острова представляет собой низменную плавню, изрезанную речками, озерами, ериками, лиманами, затопляемую каждую весну водой и покрытую небольшим лесом; еще не так давно здесь рос большой строевой лес, теперь срубленный до основания; по плану 1798 года, на всем острове Хортице считалось «лесу дровяного, дубового, кленового, березового и тернового 310 десятин, 150 квадратных сажен», но по плану 1875 года — 222 десятины и 405 сажен, а по плану 1888 года — 402 десятины¹⁹⁹; в настоящее время здесь преобладает древесная растительность так называемой мягкой породы — осокорь, ива, шелковица, верба, разных пород лоза, между

¹⁹⁸ История Малороссии в трех частях. М., 1874, I.

¹⁹⁹ Яворницкий. Вольности запорожских Козаков.

которой растет высокая и густая трава, скрывающая в себе диких гусей, уток, дупелей, коростелей и других птиц; особенно богаты птицей озера: Лозоватое, Прогной, Домаха, Карасево, Подкручное, Головковское, Осокоровое и др.; озера, кроме того, изобилуют рыбой и довольно большой величины раками. Северо-восточная половина острова представляет собой степную равнину, в один уровень с материком, подходящим в этом месте к обоим берегам Днепра; в северо-восточной же оконечности острова, так называемой Высшей Годовы, в левом берегу Хортицы, есть естественная пещера, носящая название Змиевой. Пещера эта возвышается от воды в Днепре, при среднем уровне ее, более чем на полторы сажени, внутри представляет собой углубление, наподобие узкого коридора, длины более трех аршин, высоты две сажени, ширины около двух аршин; ниже пещеры идет глубокая яма, в направлении от севера к югу, по всему основанию своему усыпанная песком и набитая колючей травкой «якирьцами». Свое название пещера, по преданию, получила от змея, жившего здесь при запорожских казаках. Как написано в «Екатеринославских губернских ведомостях» в 1889 году: «Он никого не трогал, и казаки не боялись его. Бывало, рассказывают, ночью змий тот как засияет, как засияет, то так и осветит Днепр.

Говорят, он и не каждую ночь показывался, а так в месяц или недели в три раз, но все около пещеры, которую мы и теперь называем Змиевой»²⁰⁰.

Берега острова Хортицы изрезаны двенадцатью балками, получившими свои названия частью еще от запорожцев, частью же — от теперешних обитателей его, немцев-колонистов; таковы: Музычина, Наумова, Громушина, Генералка, Широкая, Корнетовская, Корниева, Липовая, Сапожникова, Шанцевая, Дубовая, Совутина, названная от запорожца Совуты, жившего в пещере балки и выходившего на свет Божий, подобно сове, только по ночам. Между балками но берегам острова есть несколько огромных гранитных скал, из коих особенно замечательны Думна и Вошива; предание объясняет, что на первую запорожцы влезали для своих уединенных дум (в настоящее время она называется Мартынова, от имени немца Мартына), а на вторую часто забиралась запорожская «голота», чтобы бить на ней в своих штанах вшей. Кроме балок и скал, против северо-западной окраины острова Хортицы замечательно еще урочище Царская пристань: в 1739 году здесь

²⁰⁰ Екатеринославские губернские ведомости. 1889 г. 8 апреля.

построена была «от россиян запорожская верфь», а в 1790 году здесь останавливались «царские» плоты с разным лесом, посылавшимся от русского правительства немцам-колонистам во время их переселения в бывшие запорожские земли; в 1796 году здесь заложена была адмиралом де Рибасом Екатеринославская Днепровская верфь для сооружения судов, перевозящих соль из Крыма в Одессу и Овидиополь; по всему этому пристань и получила название Царской²⁰¹.

От пребывания на острове Большая Хортица запорожских казаков, как гласит местное предание, сохранились в настоящее время четыре кладбища в северо-западной части острова; но точно ли указываемые преданием кладбища относятся ко времени запорожских казаков, этого без основательной раскопки их с положительностью утверждать нельзя. Кроме четырех кладбищ на острове Большая Хортица сохранились еще земляные укрепления, называемые местными немцами Schanzengraben и также приписываемые запорожским казакам; они занимают большое пространство в северной оконечности и по самой середине острова и состоят из 20 траншей и 21

²⁰¹ Мышецкий. Указ, соч., 1852; Записки Одесского общества истории и древностей, IX; Брун. Черноморье, 1880, II.

редута, в коих каждая сторона равняется двумстам сажням длины.

Но кому именно приписать эти укрепления? Приписать ли их князю Димитрию Вишневецкому, гетману Петру Сагайдачному или русским войскам прошлого столетия? Едва ли двум первым: для Вишневецкого они здесь были не нужны, так как он сидел своим «городом», или «замком», на острове Малая Хортица, как положительно утверждает это Эрих Ласота, а для Сагайдачного, если только он действительно был здесь, они слишком велики. Едва ли Сагайдачный мог располагать такими значительными силами, чтобы выводить на огромном острове, в 25 верст кругом, целую сеть длинных и сложных укреплений, поражающих своей грандиозностью зрителя даже в настоящее время. Если растянуть в одну линию все траншеи северной оконечности острова и к ним приложить длину траншей средней части, то получим линию более чем в четыре с половиной версты вместе взятых траншей и сверх того — линию в 126 сажень длины в двадцати одном редуте, если считать по 6 сажень только в одной стороне редута. Очевидно, что на сооружение подобных укреплений требовалось немало времени да и немало сил²⁰².

²⁰² Подробности об укреплениях на острове Хортице см. Яворницкий. Запорожье в остатках старины, I.

Отсюда естественнее укрепления острова Большая Хортица отнести к сооружениям российских войск во время Русско-турецких войн 1736–1739 годов; некоторые из них протянуты были, как мы видели в приведенном свидетельстве, поперек острова, в каком виде они сохранились и до настоящего времени.

Параллельно острову Большая Хортица лежит остров Малая Хортица, на атласе Днепра адмирала Пущина 1786 года — Вырва, теперь же, по принадлежности немцам колонии Канцеровки, называется Канцерским островом. Из приведенных выше слов германского посланника Эриха Ласоты мы знаем, что именно на этом острове князь Димитрий Иванович Вишневецкий устроил свой «замок», в котором два раза отбивался от крымского хана Девлет Герая. Отсюда естественно думать, что первая Хортицкая Сечь в XVII столетии была основана не на Большой, а на Малой Хортице. Однако историк XVIII века, князь Семен Мышецкий, утверждает, что Хортицкая Сечь была на том острове, который мы называем Большой Хортицей²⁰³. Если в этом не видеть ошибки со

²⁰³ «Который имеет длины 12 верст, ширины в 2 и P/2 версты», а это именно и есть Большая Хортица. История. Одесса, 1852.

стороны князя Мышецкого, то в таком случае остается думать, что на острове Большая Хортица Сечь устроена была уже в XVII веке, при втором ее возобновлении, на что намекает историк Николай Устрялов²⁰⁴.

По рассказам местных старожилов, Малая Хортица несколько лет тому назад была гораздо меньше, нежели в настоящее время. «Это была скала с укреплениями на ней, за скалой, от правого берега, шел «тиховод», заливавшийся в устье балочки, что против острова; этот «тиховод» служил пристанью для запорожских казаков, куда они заводили свои байдаки; одно время здесь ставили и царские суда; если покопать землю, то там можно и в настоящее время найти остатки запорожских и царских суден, а из воды можно достать ружья, сабли, разного рода железо»²⁰⁵. Малая Хортица находится в так называемом Речище, или Старом Днепре, на две с половиной версты ниже северо-западного угла Большой Хортицы, в одной версте от Царской пристани, и отделяется от материка небольшим проливом Вырвой, давшим повод, очевидно, адмиралу

²⁰⁴ Бошан. Указ. соч.

²⁰⁵ Яворницкий. Запорожье в остатках старины, I.

Пущину назвать в 1786 году и самый остров Вырвой. По своему положению он делится на две половины: низменную, покрытую лесом, на западе, недавнего сравнительно происхождения, и возвышенную, на востоке, поросшую травой. Всей земли под Малой Хортицей 12 десятин и 1200 квадратных сажен; западный и южный края острова отлоги, восточный и угол северного возвышенны, скалисты и совершенно отвесны, до семи сажен высоты от уровня воды при средней ее норме. Возвышенная часть острова имеет укрепления вдоль северной, южной и западной окраин, состоящие из глубоких канав с насыпанными около них валами, от двух до трех сажен высоты. В общем укрепления Малой Хортицы имеют вид подковы, северная и южная стороны которой имеют по сорок сажен, а западная — пятьдесят шесть сажен с пропуском в три сажени для въезда; внутри укреплений выкопаны двадцать пять ям, по которым в настоящее время растут грушевые деревья. По определению специалистов военного дела, укрепления Малой Хортицы представляют собой так называемый редан с флангами, закрытый горжей и траверсами, направленный вверх и вниз против течения для защиты Днепра; по внешнему виду он действительно похож на «замок» или «город», как его называют Эрих Ласота и русские летописи.

Обе Хортицы, Большая и Малая, после падения Запорожской Сечи, дарованы были в 1789 году немецким выходцам из Данцига; в то время, как и теперь, их было 18 хозяев, то есть земельных собственников. Дело объясняется тем, что у немцев-колонистов, по закону майората, после смерти отца вся земля поступает старшему его сыну, а остальные сыновья довольствуются деньгами, скотом и разным движимым имуществом, нажитым отцом; если же отец желает обеспечить и других своих сыновей землей, то он приобретает ее для них на стороне. Оттого на острове Хортица считалось в 1789 году 18 хозяев, считается столько же и в настоящее время.

В настоящее время как на самых островах, Большой и Малой Хортицах, так и в реке Днепре около них находят разные предметы древности, оставшиеся от запорожских казаков. Один раз как-то в Старом Днепре, против колонии Канцеровки, найдено было семнадцать длинных, хорошо сколоченных лодок; в другой раз в Новом Днепре, ниже Совутиной скели, найдено было целое судно, нагруженное пулями и ядрами, а против устья балки Куцей в Старом Днепре найдено было другое судно с уцелевшей на нем пушкой; в том же Старом Днепре открыли третье судно, и в нем нашли небольшую, кривую, заржавленную, с отделанной в серебро ручкой

саблю; но все эти суда как были, так и остались в воде и по настоящее время. На самых островах в разное время находили медные и железные пушки, ядра, бомбы, пули, свинец, особенно после дождя и ветра: «Тогда охотникам не нужно было покупать свинцу, а нужно было только выждать, пока пройдет дождь да поднимется ветер, после того идти и собирать сколько угодно». Находили также ружья, кинжалы, кольчуги, разного рода металлические стрелки, замки, пуговицы, бляхи, кувшины, всевозможные монеты, человеческие скелеты с остатками одежды и пробитыми стрелами черепами; а на одном острове против Кичкаса, теперь смытом водой, и на больших скалах Столбах нашли как-то целые склады оружия. «Прежде на Хортице, — рассказывают древние старики-немцы, — можно было всякой всячины найти, а теперь колонисты научились подбирать всякую мелочь да продавать евреям, которые каждодневно навещают для этого наш остров. Медных и чугунных вещей, особенно пуль, много пошло на завод²⁰⁶, где их плавят и потом из них выливают разные новые вещи. Ядра и бомбы подбирают русские бабы: они идут у них для

²⁰⁶ Фабрика земледельческих орудий Леппа, в семи верстах от острова Хортицы, в колонии Верхней Хортицы Екатеринославского уезда.

разных домашних надобностей. Теперь многое подобрано людьми, а многое повынесено водой. Видите ли, в старые годы Днепр был уже, чем теперь, и шел он ближе к Вознесенке [село на левом берегу Днепра, против острова Хортицы], нежели к острову: оттого Хортица была шире; но с течением времени Днепр стал бросать свой левый берег, от Вознесенки, и подаваться направо, ближе к острову, стал размывать его, выносить из него разные вещи... В старину, бывало, как пойдешь по разным балкам на острове, то чего только и не увидишь: там торчит большая кость от ноги человека, там белеют зубы вместе с широкими челюстями, там повывернулись из песку ребра, проросшие высокой травой и от времени и воздуха сделавшиеся, как воск, желтыми. Задумаешь, бывало, выкопать ямку, чтобы сварить что-нибудь или спечь, наткнешься на гвоздь или кусок железа; захочешь сорвать себе цветок, наклоняешься, смотришь — череп человеческий, прогнивший, с дырками, сквозь который трава повыросла, а на траве цветы покраснелись; нужно тебе спрятаться от кого-нибудь в пещере — бежишь туда и натыкаешься на большой медный казан, или черепковую чашку, или еще что-нибудь в этом же роде»²⁰⁷.

²⁰⁷ Яворницкий. Запорожье в остатках старины.

Существование *Базавлуцкой Сечи*, получившей свое название от татарского слова «бузлук» — «лед», засвидетельствовано Эрихом Ласотой в XVI веке и планом Запорожской Сечи в XVIII веке. Сперва этим именем названа была река Базавлук, или Бузлук, а потом остров. Эрих Ласота, ехавший к запорожским казакам в качестве посла германского императора Рудольфа II, в 1594 году пишет в своем дневнике: «Девятого мая прибыли мы до острова Базавлука, при рукаве Днепра, у Чертомлыка, или, как они выражаются, при Чертомлыцком Днеприще, около двух миль. Здесь находилась тогда Сечь казаков, которые послали нам навстречу нескольких из главных лиц своего товарищества (Gesellschaft) и приветствовали наше прибытие большим выстрелом из орудий. Потом они проводили нас в коло, которому мы просили передать, что нам было весьма приятно застать тамошнее рыцарское товарищество в полном здравии. Но как за несколько дней перед тем, то есть 30 мая, начальник Богдан Микошинский отправился к морю с 50 галерами и 1300 людьми, то мы желали отложить передачу своего поручения до возвращения начальника и его сподвижников, пока все войско не будет на месте». План Запорожской Сечи XVIII века, именно 1773 года, представленный императрице Екатерине II, указывает также на существовавшую некогда

Базавлуцкую Сечь, как это видно из приписки, сделанной на нем: «Укрепленное поселение войска казацкого на западном берегу, при устье Базавлука, начало свое возымело, по объявлению писателей, во времена польского короля Стефана Батория²⁰⁸, который вознамерился пределы свои к Черному морю и к полуострову Крыму распространить... В то же самое время и крепость Сечь, по Днепру от Киева в 434 верстах, построена»²⁰⁹.

Место Базавлуцкой Сечи, описанное Эрихом Ласотой, представляется нам совершенно ясно. Ласота плыл по Днепру, из Днепра по Чертомлыцкому Днеприщу, из Чертомлыцкого Днеприща по ветке Подпильной, из Подпильной по ветке Сандалке, из Сандалки по ее рукаву Верхней Лапке, из Верхней Лапки в реку Базавлук и, наконец, рекою Базавлуком «до острова Базавлука при Чертомлыцком Днеприще». Это нисколько не противоречит тому, что у Ласоты остров Базавлук стоит при Чертомлыцком Днеприще, хотя в действительности Чертомлыцкое Днеприще отстоит от острова Базавлука, по прямому направлению, верст на восемь или на десять. Дело в

²⁰⁸ То есть в 1576–1586 гг., следовательно, в том же XVI в.

²⁰⁹ Записки Одесского общества истории и древностей, IV.

том, что теперешние ветки — Чертомлыцкое Днеприще, Подпильная, Сандалка и Верхняя Лапка — составляют, в сущности, одну и ту же речку, но с разными названиями, которую можно принять от начала и до конца за Чертомлыцкое Днеприще, но в разных местах носящую разные названия, как видим тому пример на ветке Подпильной и речке Конке, в разных местах именующихся различными названиями ²¹⁰. Наконец, выражение «при Чертомлыцком Днеприще» можно понимать и в том смысле, как и теперь говорят: «не в далеком расстоянии от Чертомлыцкого Днеприща». Таким образом, взяв во внимание это обстоятельство, можно, кажется, без всякой натяжки сказать, что Базавлукская Сечь была не там, где находилась Чертомлыцкая Сечь, и не там, где расположена была Подпиленская, то есть не в деревне Капуливке и не в селе Покровском, а при теперешнем селе Грушевке Херсонского уезда, у устья реки Базавлука. Однако напрасно мы стали бы в настоящее время искать острова с названием Базавлук на реке Базавлуке, против селения Грушевки. Правда, здесь есть два острова, из коих один у местных жителей называется Девичьим, а другой вовсе не носит никакого названия. Но

²¹⁰ Яворницкий. Вольности запорожских казаков.

последний именно и нужно принять за остров Базавлук. Дело в том, что на большом пространстве от устья реки Базавлука вверх только и есть два острова; но нижний, Девичий, во всякую весну заливадается водой и потому не может считаться годным для устройства на нем Сечи, а верхний, безыменный остров, почти никогда не заливадается водой. Он-то и был, очевидно, местом второй Запорожской Сечи, Базавлуцкой.

Выбор места для Сечи на острове Базавлуке показывает большие стратегические соображения у запорожских казаков. Остров Базавлук расположен на четыре версты выше устья реки Базавлука, между лиманами Бейкуш и Журавливский, от Днепра удален по прямому направлению на 22 версты, и с южной, то есть татарской стороны защищен передовым островом Девичьим, стоящим на восемь верст ниже Базавлуцкого, островом очень низким, каждую весну заливаемым водой, но зато покрытым в летнее время таким густым лесом и такой высокой травой, особенно чакалом, вымелгой и осокой, что через них не было никаких средств и никакой возможности ни проехать, ни пройти; даже в настоящее время этот остров во многих местах решительно недоступен для человека. Ниже Девичьего острова, на пространстве десяти верст, до самого Днепра, идут густые плавни, покрытые большим лесом, заросшие высоким камышом и

непролазной травой и изрезанные, вдоль и поперек, множеством рек, речек, лиманов и озер. С восточной стороны остров Базавлук защищен самой рекой и высоким берегом ее, так называемым Красным Кутом, получившим свое название от красной глины, с северной — лиманом Бейкуш, с западной — высоким, хотя и пологим кряжем, идущим вдоль реки Базавлука. Как бы свидетельством пребывания запорожских казаков на острове Базавлуке Сечей служат и до сих пор уцелевшие на нем неглубокие ямы, числом 21, расположенные совершенно правильно в одну линию одна возле другой, у восточной окраины острова, и напоминающие собой остатки сечевых куреней, или кошей, которые, по свидетельству Ласоты, были сделаны на Базавлуке из хвороста и покрыты, для защиты от дождя, лошадиными кожами²¹¹.

Когда и кем основана Базавлуцкая Сечь и сколько времени она просуществовала, мы этого не можем сказать, за неимением на то каких бы то ни было указаний. Знаем лишь то, что Базавлуцкая Сечь ознаменована была пребыванием на ней Эриха Ласоты. Цель поездки Эриха Ласоты к запорожским казакам на Базавлуцкую Сечь связана была с идеей

²¹¹ Эрих Ласота. Указ. соч. Одесса, 1852.

изгнания турок из Европы. Идея об изгнании турок из Европы занимала умы политиков еще в XVI веке: Испания, Италия, Германия составили союз против турок, к которому они нашли необходимым привлечь Польшу, Молдавию и даже Россию. К этому последовательно стремились Филипп II, испанский король, Григорий XIII, папа римский, Максимилиан II и Рудольф II, германские императоры. Каждый из них старался непременно вовлечь в это дело и Россию. Высказана была даже мысль обещать московскому царю Крымский полуостров, а потом и самую столицу турок, Константинополь, если он согласится принять участие в составленном союзе. Но так как всех этих союзников для осуществления идеи казалось мало, то нашли нужным привлечь к задуманному делу еще запорожских казаков, всегдашних врагов турок, как и всяких других мусульман. Особенно энергично хлопотал об этом Рудольф II и Григорий XIII. С той и с другой стороны отправлены были к запорожцам посланники: от императора — Эрих Ласота, а от папы — патер дон Алесандро Комулео. Как говорится в «Донесениях патера дона А. Комулео, благочинного св. Иеронима римского, о турецких делах»: «Алесандро Комулео был послан папой Григорием XIII к христианским народам Турции с апостольскими целями, и при этом посещении,

длившемся три года, близко узнал число христиан, как латинских, так и греческих, находящихся в некоторых областях и царствах турецкой земли; узнал дух этих народов, видел те страны и военные проходы для войск и усмотрел, насколько легко и каким способом можно выгнать турок из Европы, о чем со всей откровенностью и доносил кардиналу Джиорджио Романо»²¹².

Побывав в Трансильвании, Галиции, Молдавии и Польше и везде заручившись согласием со стороны правительств идти против турок, патер Комулео решил наконец отправиться и к запорожским казакам. «Казаки находятся у Большого моря (то есть Черного моря), — говорит он, — ожидая случая войти в устье Дуная. Число этих казаков не доходит и до 2000 человек. Думают, что они отправились туда по просьбе его цесарского величества: другие казаки находятся на татарской границе. Для личных переговоров с последними я поеду в Каменицу и куда понадобится». Переговоры Комулео с казаками

²¹² Донесения патера дона А. Комулео, благочинного св. Иеронима Римского, о турецких делах. Эти донесения, писанные на итальянском языке, доставлены автору профессором Харьковского ун. М. С. Дриновым. Комулео был иллирийским священником, знал по-славянски и потому мог объясняться с казаками без переводчика.

продолжались около полутора месяцев, с самого конца апреля 1594 года и до половины июня. В то время казаки стояли в пяти днях пути от Каменицы, в числе около 2500 человек, вместе с кошевым («начальником») Богданом Микошинским. Последний письменно уверял папского посланника, что он готов со своими казаками послужить папе против турок. Заручившись этим письмом, Комулео стал настаивать, чтобы молдавский господарь соединился с казаками против общего врага. Но молдавский господарь, давший раньше полное согласие во всем следовать папскому нунцию, теперь отвечал уклончиво: частью из боязни турок, с которыми ему нужно было ладить, чтобы остаться молдавским господарем, частью же из боязни самих казаков, которые могли обратить оружие против него же самого.

Между тем, пока происходили эти совещания дона Александро Комулео с молдавским князем и с запорожскими казаками, в самой Сечи находился уже другой посланник — упомянутый нами Эрих Ласота. Его фамилия происходит от слова «ласый», он также был славянин, морав из Блашевиц, и потому мог свободно объясняться с запорожцами. Он застал здесь казаков без начальников, которые жили в отдельных кошах, и должен был ждать возвращения кошевого с похода, пробыв в Базавлуцкой Сече с 9 мая по 2 июля. Ближайшая

цель его поездки состояла в том, чтобы, привлекиши запорожских казаков к союзу с германским императором, заставить их держать в страхе татар и турок, готовившихся идти походом против Австрии. «Низовые или запорожские казаки, — пишет Ласота, — обитавшие на островах реки Борисфена, названной по-польски Днепр, предлагали свои услуги его императорскому величеству через одного из их среды, Станислава Хлопицкого, вызываясь по случаю больших приготовлений татар к походу и по случаю их намерения переправиться через Борисфен при устье этой речки в Черное море, препятствовать этому переходу их и всячески вредить им. Вследствие этого император решил послать им в дар знамя и сумму денег (8000 червонцев) и пожелал вручить мне передачу им этих даров, с назначением мне в товарищи Якова Генкеля, хорошо знакомого с местностями»²¹³. План предполагавшихся военных действий против турок состоял в том, чтобы помешать татарам, уже переправлявшимся через Днепр, вторгнуться в Венгрию, для нападения на императорские владения, и таким образом отделить их от турецкого войска.

Прибыв в Базавлуцкую Сечь и прождав здесь

²¹³ Эрих Ласота. Указ. соч.

сорок дней, Ласота наконец дождался возвращения кошевого с похода, который прибыл с большой добычей и с пленными, между коими был один из придворных самого хана, Беляк. От Беляка Ласота узнал, что хан выступил в поход с 80 000 человек и имел намерение двинуться прямо на Венгрию. После этого Ласота изложил свое поручение в казацком коше, и казаки по поводу его предложения разделились на две партии — партию начальствующих и партию черни. Чернь, после долгих споров, изъявила сперва свое согласие на вступление в службу под императорские знамена и в знак этого стала бросать вверх свои шапки. Она выражала полную готовность сражаться с турками за германского императора и не отказывалась даже двинуться в Валахию, а оттуда, переправившись через Дунай, вторгнуться в самую Турцию. Однако дальность пути, недостаток в лошадях и в провизии, вероломство валахов и их господаря, неопределенность условий самого Ласоты заставили запорожцев вновь рассуждать и спорить по поводу предложения, сделанного им немецким посланником. Конечным результатом этих совещаний и споров было то, что запорожцы решили вместе с Ласотой отправить к Рудольфу II двух своих посланцев, Сашка Федоровича и какого-то Ничипора, да еще двух членов товарищества, чтобы условиться с императором

насчет их службы и содержания; в то же время запорожцы нашли нужным отправить послов и к московскому царю, как защитнику христиан, с просьбой прислать им помощь против турок, всегдашних врагов русских людей. С той и с другой стороны дана была грамота, заканчивавшаяся словами: «Datum в Базавлуке, при Чертомлыцком рукаве Днепра, 3 июля 1594 года».

Этим наши сведения о Базавлуцкой Сечи и оканчиваются. О дальнейших результатах договоров Ласоты с запорожскими казаками находим сведения в донесении патера Комулео от 14 декабря 1592 года. Много стоило хлопот патеру Комулео рассеять недоверие молдавского господаря в отношении запорожских казаков, но он под конец успел-таки свести их. «Я устроил, — говорит он, — что помянутые казаки подошли к молдавским границам, что они и сделали, став лагерем вблизи молдавского войска. Молдавский князь согласился действовать заодно с казаками, частью вследствие убеждения и настояний, которые я ему делал, для чего ездил нарочно два раза в Молдавию, частью же из страха турок и из боязни самих татар, о которых я узнал, что турки хотели с помощью их отнять у него княжество. В силу всего этого он собрал войско в 21 000 человек, вооружил его хорошо артиллерией и вышел к проходу, которым татары обыкновенно проходили через

Молдавию и Венгрию, решившись смело противиться и не пропустить их. Когда я потом узнал, что князь молдавский отказался соединиться с казаками, то послал убедить их не оставаться дольше здесь понапрасну, а идти разорять какие-нибудь ближайшие турецкие города, обещая, что молдавский князь не будет им препятствовать в этом. Я тайно предложил кое-какие подарки начальнику казаков, обещая ему больше со временем. Последний и ушел с помянутыми казаками. Этот раз я послал ему сто флоринов, какие со мной были, и обещал соединить его с днепровскими казаками для хорошей добычи. Начальник казаков не захотел ожидать и пошел под город Килию, где и остановился»²¹⁴.

Томаковская Сечь находилась на острове Томаковке, получившем свое название от татарского слова «тумак» — «шапка», и называвшемся иначе Днепровским островом, Бучками, Буцкой, теперь известном под именем Городища²¹⁵. Возникновение Томаковской Сечи

²¹⁴ Донесения патера дона Александро Комулео, письмо восьмое.

²¹⁵ Курьезное толкование слова Томаковка находим у Кулиша: Буцкий=Бутский=Бутовский, по Кулишу, происходит от слова «бут» — толмач, или товмач, отсюда

можно относить к двум моментам: или к тому времени, когда впервые основана была и Хортицкая Сечь, или ко времени после основания Базавлуцкой Сечи. В первом мнении утверждает нас автор истории Малой России Бантыш-Каменский, когда говорит о князе Димитрии Ивановиче Вишневецком, укрепившем не один только остров Хортицу, но и остров Томаковку²¹⁶. Второе предположение является само собой на том основании, что если бы Томаковская Сечь была основана раньше Хортицкой, то о ней не преминул бы сказать Эрих Ласота; а между тем, проезжая мимо острова Томаковки, он и словом не заикнулся о том, что была здесь Сечь, тогда как о Хортице он положительно говорит, кто и когда на ней делал укрепление. Но когда же именно возникла Томаковская Сечь? На этот вопрос мы не можем дать точного ответа, потому что не имеем на то положительно никаких данных. Можно лишь сказать, на основании слов польского историка Мартина Бельского, что в XVI столетии она уже существовала. Правда, историк Николай Иванович

Товмаковский: Отпадение Малороссии. Москва, 1890, II.

²¹⁶ Бантыш-Каменский. Указ, соч., М., 1842; то же повторяет и Маркевич в своей Истории Малороссии. М., 1842, I.

Костомаров утверждает, что Томаковская Сечь возникла в 1568 году, но приводимый им в подтверждение этого исторический документ решительно ничего не говорит о Томаковской Сечи²¹⁷. Вот он буква в букву: «Подданным нашим, казаком тым, которые з замков и мечь наших Украйных, без росказаня и ведомости на тое господарское и старост наших Украйных, зехавши, на Низу, на Днепре, в полю и на иных входах перемешкивают: маем того ведомост, иж вы на местцах помененых, у входах разных свовольно живучи, подданным цара турецкого, чабаном и татаром цара перекопского, на улусы и кочовища их находючи, великие шкоды и лупезства им чините, а тым границы панств наших от неприятеля в небезпечество приводите»²¹⁸. В приведенном акте говорится лишь о том, что запорожские казаки «перемешкивают» на Днепре, на Низу и на полях. Но Днепр велик, а Низ и поле еще больше того: на Днепре, кроме Томаковского острова, в пределах Запорожья, было 264 острова. Таким образом, акт,

²¹⁷ Южная Русь и казачество. Отечественные записки, 1870, CLXXXVIII, 39.

²¹⁸ Архив Юго-Западной Руси. Киев, т. I, ч. III, 20 ноября, 1568 г.

приводимый Н. Н. Костомаровым, ничего не говорит о Томаковской Сечи, и потому год ее возникновения и имя основателя остаются нам неизвестны. Так же глухо говорит о Томаковской Сечи и польский историк Мартин Бельский в XVI веке: «Есть и третий такой — остров на Днепре, — который назывался Томаковка, на котором большей частью низовые казаки перемешкивают (*niżowi kosaky mieszcziwaią*), так как это было для них самое лучшее укрепление»²¹⁹. У Эриха Ласоты и у Боплана о Томаковской Сечи совсем не находим никаких сведений: они упоминают о ней только как об острове на реке Днепре, причем Ласота не называет даже по имени этого острова, хотя не оставляет никакого сомнения в том, что он говорит именно о Томаковке. Он рассказывает, что, спускаясь вниз по Днепру, речная флотилия его миновала три речки Томаковки, текущие в Днепр с правой стороны и впадающие в него в том месте, где находится значительный остров ²²⁰. Значительный же остров против устья речки Томаковки есть только один — одноименный с речкой. Боплан вовсе не видал острова Томаковки и

²¹⁹ *Kronika polska Mart. Rielskiego*, Sanok, 1856, II.

²²⁰ Эрих Ласота. Путевые записки. Одесса, 1852.

говорит о нем только по рассказам, что это остров высокий, круглый, имеет вид полушара, в поперечнике не более одной трети мили, весь покрыт лесом, стоит более к русскому, нежели к татарскому берегу, и настолько открыт, что с вершины его будто бы можно видеть весь Днепр от самой Хортицы до Тавани; последние, однако, слова Боплана совершенно неправдоподобны, ибо это значит видеть с одной стороны за 50, а с другой — за 150 верст. Определенно о Томаковской Сечи говорит один только князь Мышецкий: он утверждает, что в древние годы здесь была Запорожская Сечь, где и «ныне тута знатное городище»²²¹.

Но если в конце XVI столетия на острове Томаковке и существовала Сечь, то уже в первой половине XVII века она была перенесена отсюда в другое место, остров же представлял собой в это время пустынное место, на котором часто находили себе приют разные лица, искавшие на низу Днепра широкого простора и скрывавшиеся от жестоких гонителей своей родины. Так, на остров Томаковку, в 1647 году, 1 декабря, бежал из тюрьмы села Бужина Богдан Хмельницкий со своим сыном Тимофеем, от преследования польских властей;

²²¹ Мышецкий. Указ. соч.